

DK
508
.6
C47K66
1921a

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

purchased from the
FORD FOUNDATION GRANT

for

EAST EUROPEAN STUDIES

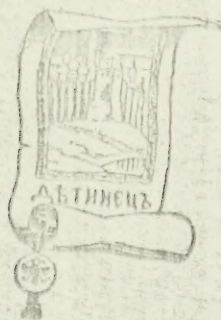
К-во «ДЪТИНЕЦЪ»

Серія I — № 3

57

Н. И. КОСТОМАРОВЪ

Малороссійскій Гетманъ
Зиновій-Богданъ Хмельницкій

БЕРЛИНЪ
1921

К-во «ДѢТИНЕЦЪ»

Серія I — № 3

Kostomarov, Nikolai Irenovich

Malorossijskij hetman Zinovii Bogdan

Н. И. КОСТОМАРОВЪ

hmel'mitskij

Малороссійскій Гетманъ

Зиновій-Богданъ Хмельницкій

БЕРЛИНЪ

1921

DA
508
.6
C47K66
1921a

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТОВА
BERLІ S. 14, DRESDENERSTRASSE 82-83.

Древняя Кіевская земля, находившаяся подъ управленіемъ князей Владимірова дома, ограничивалась на югъ рѣкою Россію. Пространство южнѣе Роси, начинающій отъ Днѣпра на западъ къ Днѣстру ускользаетъ изъ нашихъ историческихъ источниковъ. Нашъ древній лѣтописецъ, пересчитывая вѣтви славяно-русскаго народа, указываетъ на угличей и тиверцевъ, которыхъ жилища простѣрались до самаго моря. Угличити представляются народомъ многочисленнымъ, имѣвшимъ значительное количество городовъ. Бесчисленное множество городищъ, валовъ и могилъ, покрывающихъ юго-западную Россію, свидѣтельствуютъ о древней населенности этого края. Почти непонятно, какимъ образомъ кіевскіе, волынскіе и галицкіе князья, владѣя множествомъ городовъ, возникавшихъ одинъ за другимъ въ ихъ княжествахъ, занимавшихъ сѣверную половину нынѣшней Кіевской губерніи, Волынь и Галицію, упустили плодороднѣйшія сосѣднія земли. Изъ нашей лѣтописи мы узнаемъ, что языческіе князья вели упорную войну съ угличами. Послѣ сильнаго сопротивленія, князья одолевали ихъ, брали съ нихъ дань, а потомъ, со временъ Владиміра, угличин со своимъ краемъ какъ будто исчезаютъ куда-то. Только въ XIII вѣкѣ, во время Данила, въ краѣ между Бугомъ и Днѣстромъ, являются какіе-то загадочные бологовскіе князья, владѣвшіе городами и поладившіе съ покорившими ихъ татарами. Въ такъ называемой Литописи мы находимъ смутное извѣстіе, что въ XIV вѣкѣ Ольгердъ, покоривши Подоль,

нашеть тамъ мѣстное население, живущее подъ начальствомъ атамановъ. Изъ польскихъ и литовско-русскихъ источниковъ узнаемъ, что въ XV столѣтїи пынѣшій край юго-западной Россїи былъ уже значительно населенъ сплошь до самаго моря; въ южныхъ его предѣлахъ были обширныя владѣнія знатныхъ родовъ: Буцацкихъ, Язловецкихъ, Сенявскихъ, Лянекоронскихъ и пр. Плодородныя земли изобиловали хлѣбопашествомъ, и скотоводствомъ; велась постоянная торговля съ Греціею и Востокомъ; ходили кунечскіе караваны въ Кіевъ.

Но послѣ разрушенія Греческой имперїи и послѣ основанія въ Крыму хищническаго царства Гиреевъ, безпрестанные грабежи и набѣги татаръ не допустили свободнаго мирнаго развитія жизни въ этомъ краѣ и вызвали въ немъ необходимость населенія съ чисто воинственнымъ характеромъ. Въ концѣ XV вѣка введенъ былъ въ Русь польскій обычай отдавать города съ населеніями подъ управленіе лицъ знатнаго рода, подъ названіемъ старостъ. Въ началѣ XVI вѣка являются староства: черкасское и коневское, а въ нихъ воинное словіе подъ названіемъ козаковъ. Самая страна, занимаемая этими староствами, названа «Украиной»; названіе это переходитъ на все пространство до Днѣстра, именно на землю древнихъ угличей и тиверцевъ, а потомъ, по мѣрѣ расширенія козачества, распространяется и на Кіевскую землю, и на лѣвый берегъ Днѣпра¹⁾.

Мы уже объясняли происхожденіе слова «козакъ» въ жизнеописаніи Ермака. Положеніе Южной Руси было таково, что здѣсь козакъ, чѣмъ бы онъ ни былъ, въ началѣ долженъ сдѣлаться воиномъ. Черкасскіе и коневскіе старосты, а за ними и другіе старосты въ южно-русскомъ краѣ, напримѣръ, хмельницкіе и брацлавскіе, для безопасности своихъ земель, по необходимости должны были учредить изъ мѣстныхъ жителей воинное словіе, всегда готовое для отраженія татарскихъ набѣговъ. Необходимо было вмѣстѣ съ тѣмъ дать этому со-

¹⁾ Слово угличинъ отъ слова «уголь», вѣроятно, однозначительно со словомъ украинна: «у края». Украинна — слово древнее, встрѣчается въ XII вѣкѣ.

словію права и привилегіи вольныхъ людей, такъ какъ, по понятіямъ того вѣка, воинъ долженъ былъ пользоваться сословными привилегіями передъ земледѣльцами. Организаторами козацкаго сословія въ началѣ XVI вѣка являются преимущественно два лица: черкасскій и каневскій староста Евстафій Даниковичъ и хмельницкій староста Предиславъ Лянекоронскій.

Но въ то время, когда собственно въ Украинѣ образовывалось мѣстное военное сословіе подъ названіемъ козаковъ и состояло подъ начальствомъ старостъ, началось и въ другихъ мѣстахъ Южной Россіи стремленіе народа въ козаки. Такимъ образомъ, изъ Кіева плавали внизъ по Днѣпру за рыбою промышленники и также называли себя козаками. Они, будучи промышленниками, были вмѣстѣ съ тѣмъ и военными людьми, потому что пребываніе ихъ въ низовьяхъ Днѣпра для своего промысла было небезопасно и требовало съ ихъ стороны умѣнья владѣть оружіемъ для своей защиты отъ внезапнаго нападенія татаръ.

Развитію козачества болѣе всего содѣйствовали предприимчивый и талантливый преемникъ Даниковича, черкасскій и каневскій староста Димитрій Вишневецкій. Онъ увеличивалъ число козаковъ пріемомъ всякаго рода охотниковъ, прославился со своими козаками геройскими подвигами противъ крымцевъ и поставилъ себя по отношенію къ польскому королю почти въ независимое положеніе. Его широкіе планы уничтожить крымскую орду и подчинить черноморскіе края московской державѣ разбились объ ограниченное управленіе царя Івана Грознаго. Въ 1563 году Вишневецкій со своими козаками осадилъ было Молдавію, но затѣмъ измѣнически былъ схваченъ турками и замученъ¹⁾. Походъ Вишне-

1) О немъ сохранилась такая легенда, что султанъ приказалъ его повѣсить ребромъ на крюкъ, и Вишневецкій, повиснувъ на крюкѣ, сталъ въ Исуса Христа и проклиналъ Мухаммеда. Въ одной малорусской думѣ онъ является полъ именемъ казака Байды. Онъ виситъ на крюкѣ, а султанъ предлагаетъ ему принять мухаммеданскую вѣру и жениться на его дочери. Байда проситъ себя пушъ стрѣлою убить голубя на ужинѣ своей невѣстѣ и поражаетъ стрѣлою царскую дочь въ голову, проклиная невѣрныхъ.

венцаго на Молдавію проложити путь другимъ козацкимъ походамъ въ эту страну подъ начальствомъ Сверчовскаго и Подковы. Польскіе паны Потоцкіе и Корсцкіе также покушались овладѣть Молдавіей при помѣщи козаковъ. Походы эти усиливали и развивали козачество. Еще болѣе поднимали его начиніея со второй половины XVI вѣка козацкіе морскіе походы, предпринимавые изъ Запорожской Сичи на турецкія владѣнія.

Еще въ 1533 году Евстафій Даниковичъ на польскомъ сеймѣ въ Пюотковѣ представлялъ необходимость держать отъ правительства козацкую сторожу на днѣпровскихъ островахъ. Но на сеймѣ не послѣдовало по этому поводу рѣшенія. Въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка Димитрій Виннивецкій построилъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ козаковъ. Появленіе козацкой селитбы по близости къ татарскимъ предѣламъ не понравилось татарамъ, и самъ ханъ Девлетъ-Гирей приходилъ выгонять козаковъ оттуда. Виннивецкій отразилъ хана, но, покннутый въ своихъ предпріятіяхъ царемъ Иваномъ, покорился волѣ Сигизмунда-Августа и затѣмъ вывелъ козаковъ съ низовья Днѣпра. Тѣмъ не менѣе, козаки не оставили пути, намѣщеннаго Даниковичемъ и Виннивецкимъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того явилась Запорожская Сича²⁾.

Рѣка Днѣпръ, хотя и своенравная въ своемъ теченіи, представляетъ, однако, возможность безопаснаго плаванія вплоть до пороговъ; но волѣдъ затѣмъ плаваніе на протяженіи 70 верстъ дѣлается очень опаснымъ, иногда и совершенно невозможнымъ. Руслѣ Днѣпра въ разныхъ мѣстахъ пересѣкается грядою скалъ и камней, черезъ которое прорывается вода съ различною силою паденія¹⁾. По окончаніи пороговъ, Днѣпръ проходитъ черезъ гористое ущелье, называемое «Волчьимъ Гор-

²⁾ Т.-е. заѣзка. Въ 1568 году она уже существовала.

¹⁾ Всѣхъ пороговъ на Днѣпрѣ считается до десяти: Койдацкій, Сурекій, Лоханскій, Звонецкій, Тягискій, Пенасытницкій (самый значительный и опасный), Волниекій, Будило, Липиній и Гадючий или Вильный и, кромѣ того, нѣсколько «заборъ»: такъ называются камни, которыхъ гряда не доходитъ отъ одного берега до другого. Изъ нихъ самая значительная Воропова вабора въ 6 верстахъ отъ Пенасытницкаго порога.

ломъ» (Кичка: уже съ вхожденіемъ разбива образующихъ дуга, залива кустарникомъ волѣдъ за Вс длинный остр острова разлы представляли менн по чрезн ныхъ настьби край, называс и болѣ дѣла нибудь было кому, но шир удалые наб прежде всего денія въ Д острова, на называемый времени Сича (близъ нынѣш няже и надол ловки. Главн воль, до сих дивніея въ весь составъ вольными гол лика, называ дѣлялся на « начальствомъ денія низовы Сичью. Въ раз и на берегахъ ра. Такимъ ое общество выходцами и независимымъ Русью: пороги

ломъ» (Гниязь), а потомъ разливается шире и дѣлается уже судоходенъ до самаго устья, но по всему своему теченію разбивается на множество извилистыхъ рукавовъ, образующихъ безчисленные острова и плавни (острова и дуга, заливаемые въ половодье и покрытые лѣсомъ, кустарникомъ и камышемъ). Первый изъ острововъ, вѣдѣ за Волчьимъ Горломъ, есть возвышенный и длинный островъ Хортица. За нимъ слѣдуютъ другіе острова различной величины и высоты. Острова эти представляли привольное житіе для удалыцевъ того времени по чрезвычайному изобилію рыбы, дичи и отлупныхъ пастбищъ. И вотъ съ половины XVI вѣка этотъ край, называемый тогда вообще «Низомъ», сталъ болѣе и болѣе дѣлаться пріютомъ всѣхъ, кому только почему-нибудь было немилымъ жить на родинѣ, и всѣхъ тѣхъ, кому, по широкой натурѣ, были по вкусу опасности и удалы набѣги. Запорожская Сича установилась прежде всего на островѣ Томаковкѣ, близъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Конки. Противъ этого острова, на лѣвомъ берегу ростъ огромный лѣсъ, называемый «Великій Лугъ». Черезъ нѣсколько времени Сича перенеслась ниже, на Микитинъ Рогъ (близъ нынѣшняго Никополя), а потомъ еще нѣсколько ниже и надолго основалась близъ нынѣшняго села Кануловки. Главный центръ ея былъ на одномъ изъ острововъ, до сихъ поръ называемомъ Сичею. Козаки, поселившіеся въ Сичи, носили названіе «запорожцевъ», а весь составъ ихъ назывался «кошемъ». Они выбрали вольными голосами на «радѣ» (сходѣ) главнаго начальника, называемаго «кошевымъ атаманомъ». Кошъ раздѣлялся на «курени», и каждый курень состоялъ подъ начальствомъ избраннаго «куреннаго атамана». Поселенія низовыхъ козаковъ не ограничивалось одною Сичею. Въ разныхъ мѣстахъ на днѣпровскихъ островахъ и на берегахъ образовались козацкіе селитбы и хутора. Такимъ образомъ, за порогами сложилось новое людское общество съ воиннымъ характеромъ, населенное выходцами и бѣглецами изъ Южной Руси, совершенно независимыми отъ властей, управляющихъ Южной Русью: пороги препятствовали этимъ властямъ добрать-

ся до поселенцевъ. Сначала жители Запорожья состояли изъ однихъ только мужчинъ, такъ какъ война была главною цѣлью переселенія за порогъ; притомъ же значительная часть людей, прибывавшихъ туда, не имѣла намѣренія оставаться тамъ навсегда; побывавши на Запорожьѣ, повоевавши съ татарами въ степи или совершивши какой-нибудь морской походъ, они возвращались на родину. Другіе же, попрежнему, отправлялись на Запорожье не съ цѣлью войны, но для зѣриной охоты и рыбной ловли и, слѣдовательно, также на время. Только мало-по-малу стали переселяться туда семьями и заводить хутора или «зимовники». Въ самую Сичу никогда не дозволено было допускать женщинъ.

Такимъ образомъ козаки раздѣлялись на два рода: городовыхъ, или украинскихъ, и запорожскихъ, или сичевыхъ. Первые, по мѣсту своего жительства, должны были надъ собою признавать польскія власти; вторые были совершенно независимы. Между тѣми и другими была тѣсная связь: очень многіе изъ городовыхъ козаковъ проводили нѣсколько лѣтъ въ Сичи и вѣщали это себѣ въ особую доблесть и славу. Польскіе паны своими поступками содѣйствовали расширенію козачества, не предвидя гибельнаго вліянія, какое оно, при тогдашнихъ условіяхъ, носило въ себѣ для строя польскаго общества. Одинъ изъ знатнѣйшихъ польскихъ пановъ, Самуэль Зборовскій, былъ козацкимъ предводителемъ. Паны призывали козаковъ въ своихъ походахъ: такъ Миники и Вишневецкіе, съ ихъ помощью, водили въ Московское Государство самозванцевъ. Польскіе короли не разъ пользовались ихъ услугами. Еще Сигизмундъ Августъ извѣлъ украинскихъ козаковъ изъ-подъ власти старостъ и поставилъ надъ ними особаго «старшого». При Стефанѣ Баторіи заведены были реестры или списки, куда записывались козаки: и только внесенные въ эти реестры должны были называться козаками. Старшой надъ козаками, назначенный королемъ, назывался гетманомъ. Вѣроятно, въ это же время послѣдовало раздѣленіе козаковъ на полки (которое собственно извѣстно намъ въ нѣсколько позднее время). Полковъ было шесть: черкасскій, каневскій, бѣлодерковскій, корсунскій, чиги-

ринскій, переяславскій (постѣдній на лѣвой сторонѣ Днѣпра); каждый полкъ находился подъ начальствомъ полковника и его помощника асаула; полкъ дѣлился на десять сотенъ. Каждая сотня была подъ начальствомъ сотника и его помощника сотеннаго асаула. Гетману или старшому данъ былъ для мѣстопробыванія городъ Трехтемировъ. При гетманѣ были чины: асаулъ, судья, писарь, составлявшіе генеральную старшину. Всѣхъ реестровыхъ козаковъ было только шесть тысячъ. Они пользовались свободнымъ правомъ владѣнія своими землями, не несли никакихъ податей и повинностей, и получали жалованья по червонцу на каждого простаго козака и по тулуну. Кромѣ этихъ реестровыхъ козаковъ, польское правительство долго не хотѣло знать никакихъ другихъ козаковъ: по закону, только реестровые были козаками. Но такой взглядъ шелъ въ разрѣзъ съ народнымъ стремленіемъ. Въ Южной Руси, напротивъ, всѣ хотѣли быть козаками, т. е. вольными людьми: всѣ искали путей и средствъ обратиться въ козаковъ. Однимъ изъ такихъ путей была Запорожская Січа. Жители, бывшіе по закону панскими холодами въ нѣбныхъ наслѣдственныхъ или коронныхъ, бѣжали за Запорожье, возвращались оттуда, не хотѣли уже служить своимъ панамъ, называли себя козаками и, какъ вольные люди, считали своею собственностью ту землю, на которой жили и обрабатывали, тогда какъ владѣлецъ признавалъ эту землю своею. Владѣльцы и ихъ управители ловили такихъ бѣглецовъ и казнили смертию, но не всегда можно было это исполнить. Многіе землевладѣльцы заходили тогда слободы и приглашали къ себѣ всякаго, давая льготы. Въ такія слободы убѣгали тѣ, которыхъ преслѣдовали на ихъ прежнемъ жительствѣ. Между самими владѣльцами возникали за это ссоры, часто происходили наѣды другъ на друга. Иногда и сами паны приглашали къ себѣ свободныхъ чужихъ холоповъ, называли ихъ козаками и, съ ихъ помощью, безчинствовали противъ своей же братіи. Такіе козаки, при чемъ удовольствіи, готовы были поступать со своими панами, какъ съ прежними. Реестровые козаки мало имѣли охоты замыкать свое сословіе и охотно принимали

ит. него новыхъ братій, такъ что количество ресетровыхъ было на дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ на бумагѣ. Иногда такіе польскіе подданные, назвавши себя козаками, не пытались ни вступать въ ресетръ, ни примыкать къ панамъ, а собирались вооруженными толпами и выбирали себѣ предводителя, котораго называли гетманомъ. Такъ поступали въ особенности тѣ, которые бывали на Сичи, воевали противъ турокъ и татаръ и пріобрѣтали себѣ тамъ, — какъ выражались тогда — «рыцарскую славу». Эти такъ-называемыя «свобольныя куны» (шайки) уже въ концѣ XVI вѣка стали страшны для Польши и возбуждали противъ себя строгія постановленія сейма. На дѣлѣ эти постановленія не исполнялись, тѣмъ болѣе, что и польскій король, и польскіе паны, объявивши шайки самозванными козаками, противозаконными скопищами, сами употребляли ихъ въ войнахъ съ Москвою, Швеціею и Турціею. Такимъ образомъ, кромѣ козаковъ городовыхъ, записываемыхъ въ ресетры, и казаковъ сичевыхъ, безпрестанно то пополняемыхъ бѣглецами изъ Украины, то убавляемыхъ уходившими назадъ въ Украину, было еще множество козаковъ свободныхъ, состоявшихъ изъ панскихъ хлоповъ, выбравшихъ себѣ гетмановъ. Правительство дѣлало пересмотры ресетрамъ: изъ нихъ исключались лишніе козаки; эти лишніе носили названіе «выписчиковъ», но выключенные изъ ресетра продолжали называть себя козаками.

Понятно, что при такихъ условіяхъ южно-русскаго общества того времени, у польскаго правительства, а главное, у польскихъ пановъ, явилось среди простого народа много враговъ: эти враги становились тѣмъ ожесточеннѣе и опаснѣе, чѣмъ сильнѣе выказывалось съ польской стороны стремленіе удерживать панство народа въ козачество. Польское право предавало хлѣпа въ безусловное распоряженіе его пана. Понятно, что такое положеніе не могло быть приятнымъ нигдѣ: но тамъ, гдѣ народу не было никакой возможности вырваться изъ неволи, онъ терпѣлъ, изъ поколѣній въ поколѣнія привыкалъ къ своей участи до такой степени, что пересталъ помышлять о лучшей. Въ Украинѣ было не то. Здѣсь для народа было много искушеній къ пріобрѣтенію свободы.

Передъ глазами у него было вольное сословіе, составленное изъ его же братьевъ: по соседству къ нимъ были дѣлпроверкіе острова, куда можно было убѣжать отъ тяжелой власти: наконецъ, близость татаръ и опасность татарскихъ набѣговъ пріучали украинскаго жителя къ оружію; сами паны не могли запретить своимъ украинскимъ хлонамъ носить оружіе. Такимъ образомъ, въ народѣ южно-русскомъ поддерживался бодрый воинственный духъ, несовмѣстный съ рабскимъ состояніемъ, на которое осуждалъ его польскій общественный строй. Между тѣмъ, какъ способы панскаго управленія въ Украинѣ, такъ и свойство отношеній, въ какія поставленъ былъ высшій классъ къ низшему, никакъ не мирили русскаго хлопа съ паномъ и не располагали его къ добровольной зависимости.

Стремленіе народа къ оказанью, или, такъ называемое поляками, «украинское своевольство» начало принимать религіозный оттѣнокъ и получать въ общественныхъ глазахъ русскаго народа нравственное освященіе. Уже возстанія Наливайки и Лободы въ 1596 году прикрывались до нѣкоторой степени защитой религій. Вѣдѣтъ ли введеніемъ униі, послѣдовало быстрое отступленіе русскаго высшаго класса отъ своей религій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своей народности. Русскіе паны стали для русскаго народа чужими, и власть ихъ получила видъ какъ бы иноземнаго и иновѣрнаго порабощенія. Мѣщане и хлопы только отъ страха, а не по убѣжденію, принимали унию, и пока не свыклись съ нею въ теченіе многихъ поколѣній, долго были готовы отпасть отъ нея. Въ Украинѣ, гдѣ народъ былъ бодрѣе и менѣе подвергался рабскому страху, униі трудно пускала свои корни. Ресетровые козаки не принимали ея вовсе, потому что не боялись пановъ; знакомство съ войною дѣлало ихъ отважными. Самовольные козаки еще болѣе возненавидѣли унию, какъ одинъ изъ признаковъ панскаго насилія надъ собою. Такимъ образомъ, православная религія сдѣлалась для русскаго народа знаменемъ свободы и противодѣйствія панскому гнету.

Совласное свидѣтельство современныхъ историковъ показываетъ, что въ концѣ XVI и первой полови-

нѣ XVII вѣка безусловное господство пановъ надъ хлоп-
 нами привело послѣднихъ къ самому горькому быту.
 Іезуитъ Скарга, фанатическій врагъ православія и рус-
 ской народности, говорилъ, что на всемъ земномъ па-
 рѣ не найдется государства, гдѣ бы такъ обходились съ
 земледѣльцами, какъ въ Польшѣ. «Владѣлецъ или ко-
 ролевскій староста не только отнимаетъ у бѣднаго хло-
 па все, что онъ зарабатываетъ, но и убиваетъ его самого,
 когда захочетъ и какъ захочетъ, и никто не скажетъ ему
 за это дурного слова». Между панами въ это время рас-
 пространилась страсть къ непомѣрной роскоши и мотов-
 ству, требующее большихъ издержекъ. Одинъ французъ,
 жившій тогда въ Польшѣ, замѣтилъ, что повседневный
 обѣдъ польскаго пана стоитъ больше, чѣмъ званый во
 Франціи. Тогдашній польскій обвинитель павловъ, Ста-
 ровельскій, говоритъ: «Въ прежнія времена короли ха-
 тивали въ бараньихъ тулупахъ, а теперь кучеръ покры-
 ваетъ себѣ тулупъ красною матеріею, чтобы отличиться
 отъ простолюдина. Прeskде шляхтичи ѣздили на про-
 стомъ возѣ, а теперь катятъ шестернею въ коляскѣ,
 обитой шелковою тканью съ серебряными украшені-
 ями. Прeskде пивали доброе домашнее пиво, а теперь и
 конюшни пропахли венгерскимъ. Всѣ наши деньги
 идутъ на заморскія вина и на сласти, а на выкупъ
 плѣнныхъ и на охраненіе отечества у насъ денегъ нѣтъ.
 Отъ сенатора до послѣдняго ремесленника все профуда-
 ютъ и пропиваютъ свое достояніе и входятъ въ неоплат-
 ные долги. Никто не хочетъ жить трудомъ, а всякій по-
 ровитъ захватить чужое: легко достается оно и легко
 спускается. Заработки убогихъ поданныхъ, содранные
 иногда съ ихъ слезами, а иногда со шкурою, потребля-
 ются господами, какъ гарпіями. Одна особа въ одинъ
 день пожираетъ столько, сколько зарабатываетъ много
 бѣняковъ въ долгое время. Все идетъ въ одинъ ды-
 рный мѣшокъ — брюхо. Вѣрно нухъ у поляковъ имѣть
 такое свойство, что они могутъ на немъ спать спокойно,
 не мучась совѣстью». Знатный панъ считать обязан-
 ностью держать при своемъ дворѣ толпу ничего не дѣла-
 ющихъ шляхтичей, а жена его такую же толпу шляхти-
 цокъ. Все это падало на рабочій крестьянскій классъ.

Кромѣ обыкновенной панщины, зависѣвшей отъ произвола владѣльцевъ, они были обремены множествомъ разныхъ мелкихъ поборовъ. Каждый улей былъ обложенъ налогомъ подъ именемъ «очковаго»; за вола платилъ крестьянинъ роговое; за право ловить рыбу — ставинну; за право пасти скотъ — спасное; за измолъ муки — сухомельщину. Крестьянамъ не дозволялось ни приготовить себѣ панитковъ, ни покупать ихъ иначе, какъ у жиды, которому панъ отдастъ кормъ въ аренду. Ёдетъ ли панъ на сеймъ, или на богомолье, или на свадьбу, — на подданныхъ налагается какая-нибудь новая тягость. Въ королевскихъ имѣніяхъ, управляемыхъ старостами или же управителями, положеніе хлоновъ было еще хуже, хотя законы предоставляли имъ право жаловаться, — по замѣчанію Старовольскаго, — потому что обвиняемый будетъ всегда правъ, а хлонъ виноватъ. «Въ судахъ у насъ, — говоритъ тотъ же писатель, — завелось нестыханные поборы, подкуны: пановъ войты, лавники, бурмистры, — всѣ подкуны, а о доносчикахъ, которые подводятъ провинныхъ людей въ бѣду, и говорить нечего. Поймаютъ богатаго, закупаютъ и засаждаютъ въ тюрьму, да и тапнутъ съ него подарки и изятки. Кромѣ безграничнаго произвола старосты или его дозорцы, въ коронныхъ имѣніяхъ свирѣпствовали жолѣбры (солдаты), которые отличались буйствами и своеволіемъ. «Много, — замѣчаетъ Старовольскій, — толкуютъ у насъ о турецкомъ рабствѣ; но это касается только военнопленныхъ, а не тѣхъ, которые живы подъ турецкою властью, занимаются земледѣліемъ или торговлей. Они, заплативши годовую дань, свободны, какъ у насъ не свободенъ ни одинъ шляхтичъ. Въ Турціи никакой панъ не можетъ послѣднему мужику сдѣлать того, что дѣлается въ нашихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ. У насъ въ томъ только свобода, что вольно дѣлать всякому, что задумается; и отъ этого выходитъ, что бѣдный и слабый дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго. Любой азіатскій деспотъ не замучитъ во всю жизнь столько людей, сколько ихъ замучатъ въ одинъ годъ въ свободной Рѣчи-Посполитой».

Но ничто такъ не тяготило и не оскорбляло русскаго

народа, какъ власть іудеевъ. Наны, тѣмъ же управити имѣніями сами, отдавали ихъ въ аренду іудеямъ, съ полными правомъ панотата господства надъ хлопами. И тутъ-то не было предѣла истязаніямъ надъ рабочею силою и духовною жизнью хлопа. Кромѣ всевозможныхъ проявленій произвола, іудеи, пользуясь униженіемъ, прикостанной религіи, брали въ аренды церкви, вылагали понаты за крещеніе младенцевъ (одуденъ) за обѣщаніе (поеминна), за погребеніе и, наконецъ, вообще за всякое богоугодное; кромѣ того, — и умилостивно ругались надъ религіей. Отдавать имѣнія на аренды казалось такъ выгоднымъ, что число іудеевъ, арендаторовъ, увеличивалось все болѣе и болѣе, и Южная Русь очутилась подъ ихъ властью. Жалобы народа на іудейскія насильства до сихъ поръ раздаются въ народныхъ пѣсняхъ. «Еси, — говорится въ одной думѣ, — рѣшился у бѣднаго мужика или козака рѣшиться, или козаки либо мужики задумаютъ сочтаться бракомъ своихъ дѣтей, — то не иди къ пону за благословеніемъ, а иди къ яиду и кланяйся ему, чтобы доволить отпереть переконъ, окрестить ребенка или обфѣнчать молодыхъ. Даже римско-католическіе священники, при всей своей нетерпимости къ несправедливости для нихъ схизмѣ, пошляли противъ передачи русскаго народа во власть іудеевъ. Таки, въ одной проповѣди, — сказанной уже тогда, когда Хмельницкій разоудилъ дремавшую совѣсть панотъ, — говорится: «наши наны рывели изъ трибѣны своихъ бѣдныхъ ищущихъ въ Украинѣ тѣмъ, что, отдавши яидамъ въ аренду имѣнія, продали схизматиковъ въ тяжелую работу. Іудеи не позволяли бѣднымъ подданнымъ крестить младенцевъ или вступать въ бракъ, не заплативъ особыхъ налоговъ».

Понятно, что народъ, находясь въ такомъ положеніи, бросался въ козачество, убѣгать толпами въ Запорожье, и оттуда появлялся вооруженными пайками, которые тогда же разрастались. Возстанія слѣдовали за возстаніями. Наны жаловались на убійство и самоуправство украинскаго народа. Вмѣстѣ съ этимъ шли безпрерывные набѣги на Турцію. Толпы удальновъ, освобод-

дивились бѣгствомъ отъ тяжелаго панскаго и іудейскаго гнета, убѣгали на Запорожье, а оттуда на чайкахъ (длинныхъ лодкахъ) пускались въ море грабить турецкіе прибрежные города. Жизнь на родинѣ представляла такъ мало цѣннаго, что они не боялись подвергаться никакимъ опасностямъ; а нападать на невѣрныхъ, по понятіямъ того времени, считалось богоугоднымъ дѣломъ. Тѣмъ болѣе, что цѣлью этихъ набѣговъ было столько же освобожденіе цѣльныхъ христіанъ, сколько и приобритіе добычи отъ невѣрныхъ. Турецкіе послы постоянно жаловались польскому правительству на козаковъ. Поляки при возможности ловили виновныхъ и казнили ихъ, но когда сами ссорились съ турками или татарами, то давали волю тѣмъ же украинскимъ удалыямъ. Эти походы были особенно важны тѣмъ, что послужили дальнѣйшему рожденію школы для украинскаго народа и способствовали ему дружно и рѣшительно подниматься противъ поляковъ; на это не отваживался въ другихъ мѣстахъ русскій народъ, страдавшій подъ такимъ же гнетомъ.

Частныя мѣстныя возстанія народа были многочисленны и не всѣ намъ извѣстны. Правительство то и дѣло что производило новые ресстры, желая ограничить число козаковъ. Но послѣ каждаго ресстрованія число козаковъ удваивалось, утроивалось; дивинихъ снова исключали изъ списковъ, а эти дивиніе не повиновались и увеличивали число свое силами охотниковъ. Но временамъ хлопцы возмущались противъ владѣльцевъ, собирались въ найки, нападали на владѣльческія усадьбы. Жестокія казни слѣдовали за каждымъ укрощеніемъ; но мятежи возобновлялись снова. Всѣ хотѣли быть козаками; невозможно было разобрать, кто настоящій козакъ и кто только называетъ себя козакомъ. Въ 1614 году коронный гетманъ Жолѣвскій разогналъ въ Брацлавинѣ большую найку, называвшую себя козаками, а 15 октября подъ Житомяромъ заключилъ съ ресстровыми козаками договоръ, по которому они обязались не принимать въ свое товарищество своевольныхъ шактъ, называвшихъ себя козаками и нападавшихъ на шляхетскія имѣнія, не собирать народа на рады; всѣмъ тѣмъ,

которые самовольно называли себя козаками, возмело оставаться подъ властью пановъ. Этотъ договоръ, конечно же былъ нарушенъ. Шляхта жаловалась королю писать универсалы: но въ этихъ универсалахъ уже проглядывало сознаніе безсилія. «Посмотри на твои прежнія нанимѣры, — писалъ король въ 1617 году, — козачье самоуправіе дошло до ужасающихъ крайностей, грамоты козаковъ не даютъ Рѣчи-Посполитой покоя, шляхта не можетъ безопасно проживать въ своихъ имѣніяхъ». Впрочемъ, въ первой четверти XVII вѣка, козацкая хата находила себѣ поле дѣятельности то въ Московскомъ Государствѣ, то на Черномъ морѣ, то въ Турціи и Малѣвѣ. Подъ начальствомъ Сагайдачнаго козаки помогали полякамъ въ войнѣ съ Турціей. Но когда кончилась эта война, козацкія возстанія стали принимать значительно болѣе широкій размѣръ. Въ 1625 году козаки отправили своихъ депутатовъ на сеймъ съ требованіемъ признать законными духовныхъ, посвященныхъ Иерусалимскимъ патріархомъ, удалить уничтожить всякія стѣснительныя постановленія противъ козаковъ и не ограничивать ихъ числа. Они, при своей просьбѣ, послали перечень разныхъ утѣшеній, которые терпѣли русскіе въ Польшѣ и Литвѣ, указывали, что повсюду отнимаютъ у православныхъ церкви, тянутъ въ суды православныхъ подъ разными предлогами, отдаляютъ ихъ отъ цеховыхъ ремеселъ, сажаютъ въ тюрьмы и бьютъ священниковъ; жаловались, что православныя дѣти вырастаютъ безъ крещенія, люди живутъ безъ вѣнчанія и отходить отъ міра безъ повѣдѣнія и св. причащенія. Просьба эта не имѣла никакихъ послѣдствій, и козаки, подъ начальствомъ гетмана Жмайла, стали расправляться сами собою: ворвался въ Кіевъ, убили кіевского войта Оедора Ходыку за ревность къ униі; ограбили католическій монастырь, убили въ немъ священника и отправили къ московскому царю посольство съ просьбою принять козаковъ подъ свое покровительство. Этого не хотѣли имъ простить поляки, и коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій получилъ повелѣніе укротить козаковъ оружіемъ. Козаковъ было тысячъ до 20; но

между ними происходили несогласія, такъ, что часть ихъ разошлась. Конеццольскій прибалъ ихъ къ Дибенру, недалеко отъ Крылова; реестровые казаки рѣшились мириться; смѣнили Жмайла, выбрали гетманомъ Михайла Дорошенка, и заключили съ польскимъ гетманомъ, на урочищѣ «Медвѣжьихъ лѣны», договоръ, по которому казаки должны были оставаться въ числѣ шести тысячъ и находиться подъ властью корошняго гетмана; затѣмъ всеъ называвшіе себя козаками должны были подчиняться своимъ старостамъ и панамъ; всеъ земли, которыя они себѣ присвоили и считали козацкими, должны были возвращены владѣльцамъ. Договоръ этотъ не могъ разрѣшить спорныхъ вопросовъ по желанію поляковъ. Число исключенныхъ изъ козацкаго званія значительно превышало число реестровыхъ, и еще увеличивалось вновь составленными пайками. Непокорные хлопы бѣжали толпами въ Сичу. По смерти Дорошенка, убитаго въ битвѣ съ татарами, поляки назначили надъ реестровыми козаками предводителемъ Грицька Чернаго, человека, преданнаго полякамъ; но самовольные казаки, собравшіеся въ Сичу, избрали гетманомъ Тараса и двинулись въ Украину. Реестровые казаки выдали Грицька Чернаго Тарасу; запорожцы совершили надъ нимъ жестокую казнь за то, что онъ принялъ уцію. Тарасъ, призванный реестровыми, распустилъ по Украинѣ универсалъ, и убѣждалъ весь народъ подняться и идти на поляковъ во имя вѣры. Многие духовные возбуждали русскихъ къ защитѣ вѣры и жизни, потому что въ тѣ времена раздраженные поляки кричали, что надобно уничтожить схиму и истребить весь мѣстечный народъ, а Украину заселить поляками. Польскіе историки уверяютъ, будто и Петръ Могила, будучи еще нечерскимъ архимандритомъ, возбуждалъ народъ къ возстанію.

Поляки совершали тогда ужаснѣйшія варварства. Самуилъ Лацъ, коронный стражникъ (блюститель пограничныхъ областей) обрѣзывать людямъ носы и уши, отдавалъ дѣвицъ и женщинъ на поруганіе своимъ солдатамъ, и въ день Пасхи 1639 года, въ мѣстечкѣ Лысянкѣ, вырѣзалъ поголовно всехъ жителей, не разбирая ни пола, ни возраста: многие изъ нихъ были побиты въ

церкви. Для внушенія народу страха и въ другихъ мѣстахъ дѣлалось то же. Тарасъ сосредоточилъ свои силы на лѣвой сторонѣ Днѣпра, у Переяславля. Конецпольскій вступилъ съ нимъ въ битву, которая была такъ неудачна для поляковъ, что, по свѣдѣтельству ихъ самихъ, у Конецпольскаго въ одинъ день пропало болѣе войска, чѣмъ за три года войны со шведами. Къ сожалѣнiю, исходъ этой войны для насъ остался неизвѣстнымъ. Тарасъ какимъ-то образомъ попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ.

Черезъ два года умеръ Сигизмундъ III. Реестровые казаки при слѣдъ его, Владиславъ, участвовали въ походѣ противъ Москвы, но зато другіе казаки самовольно спустились въ Черное море, дѣлали нападенія на турецкія владѣнія и собирались на днѣпровскихъ островахъ, чтобы снова идти войною на поляковъ. Чтобы пресѣчь бѣгство народа за пороги, коронный гетманъ Конецпольскій заложилъ на Днѣпрѣ передъ самыми порогами крѣпость Кодакъ и оставилъ тамъ гарнизонъ подъ начальствомъ француза Маріона. Но въ августѣ 1635 года предводители самовольныхъ казаковъ Сулима разорили эту крѣпость, перебили гарнизонъ, и стали призывать народъ къ возстанію. Ему не удалось предпріятіе. Подосланные Конецпольскимъ реестровые казаки схватили Сулиму, еще не успѣвшего собрать большого ополченія. Ему отрубили голову въ Варшавѣ.

Вслѣдъ заѣмъ объявлено снова строгое приказаніе самовольнымъ казакамъ повиноваться своимъ панамъ, а чтобы привести эту мѣру въ исполненіе, разставили въ Украинѣ польскія войска, которыя тотчасъ же начали дѣлать народу всякія насилія. Это вынудило реестровыхъ казаковъ въ 1636 году обратиться съ жалобой къ королю: они избрали своимъ посланн двухъ сотниковъ: черкаскаго Ивана Барабаша и чигиринскаго Зиновія-Богдана Хмельницкаго.

Зиновій-Богданъ былъ сынъ козацкаго сотника Михаила Хмельницкаго. Въ юности онъ учился въ Ягеллавѣ (галицкомъ) у іезуитовъ и получилъ по своему времени хорошее образованіе. Отецъ его былъ убитъ въ Цедорской битвѣ, несчастной для поляковъ, гдѣ палъ

ихъ гетманъ Жолѣвскій. Зиновій, участвовавшій въ битвѣ вмѣстѣ съ отцомъ, былъ взятъ турками въ плѣнъ; онъ пробылъ два года въ Константинополѣ, научился тамъ турецкому языку и восточнымъ обычаямъ, что ему впоследствии пригодилось. Послѣ примиренія Польши съ Турціей, Зиновій возвратился въ отечество, служить въ козацкой службѣ и получить чинъ сотника. Есть извѣстіе, что онъ былъ подъ Смоленскомъ въ 1632 году и получилъ отъ Владислава саблю за храбрость¹⁾.

Для разсмотрѣнія козацкихъ жалобъ назначенъ былъ сенаторъ и воевода брацлавскій Адамъ Кисель, православный панъ, считавшій себя отличнѣею сферою и искуснымъ дипломатомъ. Онъ, началъ хитрить съ козаками и водить ихъ, стараясь успокоить реестровыхъ, обѣщаніями денегъ, а главное, добиваясь исключенія изъ реестра лишннихъ козаковъ и возвращенія ихъ подъ власть своихъ пановъ. Старшимъ надъ реестровыми козаками былъ тогда Василій Томиленко, человѣкъ старый, перѣшительный, но тѣмъ не менѣе сдержанно преданный козацкому дѣлу. Въ то время, такъ онъ въ Украинѣ толковалъ съ Киселемъ, новый предводитель, самовольныхъ козаковъ Павлюкъ ворвался изъ Сичи въ Украину съ 200 человѣкъ, захватить въ Черкаскахъ всю козацкую артиллерію и ушелъ обратно въ Сичу, а оттуда писалъ убѣжденіе къ реестровымъ козакамъ соединиться съ «вышнечниками» и дружно защищаться противъ поляковъ. Томиленко колебался, а Кисель, — который, по собственному его признанію производилъ между козаками раздоры, — подобралъ кружокъ реестровыхъ козаковъ и составилъ изъ нихъ раду на рѣкѣ Русавѣ. Эта рада низложила Томиленка и выбрала въ гетманы переяславскаго полковника Савву Кононовича, родомъ великорусса, преданнаго панскимъ видамъ. Вмѣстѣ съ Томиленкомъ отрѣзали другихъ старшинъ, и только лукавый писарь Онушкевичъ остался въ сво-

¹⁾ Такъ говорить одна малорусская лѣтопись, прибавляя, что черезъ двадцать два года, когда онъ сдѣлался подданнымъ Алексѣя Михайловича, то говорилъ: «сабля эта порочить Богдана».

емъ аванціи. Навлюкъ, узнавши о такомъ переворотѣ, по-
сдѣлать своего друга, чигиринскаго полковника Карпа
Скидана, съ отрядомъ въ Переяславль, а самъ сталъ съ
войскомъ у Крылова. Скиданъ вошелъ ночью въ Перея-
славль, схватилъ Кононовича, писаря Онукиевича, по-
воновставленныхъ старшинъ, и привезъ ихъ въ Крыловъ.
Козаки осудили ихъ и разстрѣляли. Гетманомъ выбра-
ли Навлюка. Томиленко, добровольно уступая ему пер-
венство, остался его товарищемъ и другомъ.

Навлюкъ разослалъ универсалъ по всѣмъ городамъ,
мѣстечкамъ и селамъ и призывалъ весь русскій народъ
къ возстанію: «Повелѣваемъ вамъ и убѣждаемъ васъ,
чтобы вы все единодушно, отъ мала до велика, покинувъ
все свои занятія, немедленно собрались ко мнѣ».

На призывъ Навлюка прежде всего отозвались на
лѣвой сторонѣ Днѣпра, такъ-называемыя, новыя сло-
боды, а потомъ и на правой раздался, говорить современ-
никъ, крикъ: «на свободу! на свободу!» Одни бѣжали къ
Навлюку; другіе составляли шайки, бросались на пан-
скіе двory и забирали тамъ запасы, лошадей, оружіе.
Самъ Навлюкъ, разославши универсалъ, уѣхалъ въ
Сичъ собирать запорожцевъ, а начальство въ Украинѣ
поручилъ Скидану.

Все реестровые полки, одинъ за другимъ, перешли
на сторону возстанія. Скиданъ заложилъ свой станъ въ
Монинахъ (черкасскаго уѣзда). Конецпольскій послалъ
противъ козаковъ своего товарища Потоцкаго.

6 декабря 1637 года произошла битва близъ дерев-
ни Кумейки. Русскіе бились отчаянно; но сильный хо-
лодный вѣтеръ дулъ имъ въ лицо; они были разбиты,
ушли къ Днѣпру и стали въ мѣстечкѣ Боровицахъ. При-
былъ Навлюкъ; но козаки возмущались противъ него за
то, что онъ не въ пору ушелъ въ Сичъ и пропустилъ
удобное время. Кисель, находившійся съ Потоцкимъ,
уговорилъ козаковъ выдать Навлюка съ товарищами,
поручившись, что король даруетъ имъ прощеніе. Реес-
тровые козаки низложили Навлюка съ гетманства, про-
возгласили своимъ гетманомъ одного изъ старшинъ Дмит-
ра Томашевича-Гуню, но Гуня не согласился получить
старшинство цѣною своихъ товарищей. Тогда реесто-

вые козаки схватили Павлюка, Томиленка и какого-то Ивана Злого и привели къ Потоцкому.

Заключенъ быть съ польскимъ военачальникомъ договоръ: козаки обѣщали повиноваться польскому правительству. Договоръ этотъ былъ подписанъ Зиповіемъ-Богданомъ Хмельницкимъ, носившимъ уже званіе генеральнаго писаря. Потоцкій назначилъ надъ козаками старшимъ Ильяна Карамовича: Гуня, Скиданъ и другіе убѣжали.

Павлюка, Томиленка и Злого привезли въ Варшаву. Напрасно Кисель передъ сеймомъ умолялъ даровать имъ жизнь, ссылаясь на свое поручительство. Его protesta не уважили. Козацкимъ предводителямъ отрубили головы.

Потоцкій, между тѣмъ, покончивши въ Украинѣ, начать безжалостно казнить мятежниковъ. Вся дорога отъ Дибра до Пѣкина уставлена была посаженными на колъ хлопцами. Но въ то время, когда Потоцкій казнилъ сотнями мятежниковъ и кричалъ: «я изъ васъ во-сколыхъ сдѣлаю!», русскіе смѣло говорили ему: «Если ты, панъ гетманъ, хочешь казнить виновныхъ, то посади на колъ разомъ всю правую и всю лѣвую сторону Дибра».

Какъ только началась весна 1638 года, по всей Украинѣ разнеслась вѣсть, что съ Запорожьи идетъ новое ополченіе. Тамъ выбрали гетманомъ полтавца Остранина. Съ нимъ, шель Скиданъ. Толпы народа бросились къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Потоцкій выступилъ противъ нихъ и потерѣлъ поражение подъ Голтвою. Но между козацкими предводителями не было ладу. Поляки, оправившись отъ поражения, атаковали Остранина подъ Жовниномъ, близъ Дибра. Остранинъ убѣжалъ изъ войска въ Московское Государство. Козаки избрали старшимъ Дмитра Томашевича-Гуню. Реестровые тогда не пристали къ возстанію, потому что находились съ польскимъ войскомъ подъ начальствомъ чиноринковъ, назначенныхъ поляками. Гуня, съ половины іюня до половины августа, упорно стоялъ противъ поляковъ, соглашался мириться, но не иначе, какъ на сколько-нибудь выгодныхъ условіяхъ. Наконецъ, козаки положили ору-

жіе. Буяя унеслъ въ Московское Государство. Сидящъ, еще прежде отираившіиися за Дибиръ для собиранія новыхъ силъ, попался въ плѣнъ.

Съ этихъ поръ поляки, хотя оставили реестровыхъ козаковъ въ прежнемъ числѣ, но давали имъ начальниковъ изъ лицъ шляхетскаго званія. Въмѣсто гетмана у нихъ были назначены комисары, ибѣто Пётръ Комаровскій; генеральный писарь Зиновій-Богданъ Хмельницкій лишился своей должности и остался попрежнему чигиринскимъ сотникомъ. Чтобы претрадить побѣги народа за пороги, возобновлены были Кодакъ. Разсказываютъ, что Коншипольскій, прѣхавши осматривать возстаноленную крѣпость, созвалъ къ себѣ козацкихъ старшинъ и насмѣшливо спросилъ ихъ: «какъ вамъ кажется Кодакъ?» — „Manu facta, manu destructa“ (что человеческими руками создается, то и человеческими руками разрушается), — отвѣчалъ ему Хмельницкій.

Поляки пришли къ убѣжденію, что для укрощенія страсти къ мятежамъ, овладѣнной русскимъ народомъ, надобно принимать самыя строгія мѣры: за малѣйшую попытку къ возстанію казнили самымъ варварскимъ образомъ: «и мучительство фараоново, — говоритъ малорусская лѣтопись, — ничего не значить противъ лянскаго тиранства. Ляхи дѣтей въ котлахъ варили, женщинамъ, выдавливали груди деревомъ и творили нныя неперенѣдимыя мучительства»¹⁾).

Козакамъ уже трудно было начинать возстаніе. Самы реестровые козаки были почти обращены въ хлопотъ и работали панищину на своихъ начальниковъ шляхетскаго званія. Иной поворотъ всему русскому дѣлу данъ былъ во дворцѣ короля Владислава.

Этотъ король, отъ природы умный и дѣятельный, тяготился своимъ положеніемъ, осуждавшимъ его на бездѣйствіе; тяжела была ему анархія, господствовавшая въ его королевствѣ. Его самотѣіе постоянно тер-

¹⁾ Достоѣрность этихъ извѣстій подтверждается и современными великорусскими извѣстіями: «польскіе и литовскіе люди ихъ хохотѣицкую вѣру нарушили и церкви ихъ, людей, собирая въ хоромы, пожигали, и иницальное зелье, насылавъ имъ въ паруху, закигаютъ и соеды у женъ ихъ рѣзали...

пѣло униженіе отъ надменныхъ пановъ. Королю хотѣлось начать войну съ Турціею. По всеобщему мнѣнію современниковъ, за этимъ желаніемъ укрывалось другое: усилить посредствомъ войны свою королевскую власть. Хотя нѣтъ никакихъ письменныхъ признаній съ его стороны въ этомъ умыслѣ, но все шаяхетство отъ малодовелика было въ этомъ увѣрено и считало соумышленникомъ короля канцлера Оссолинскаго. Впрочемъ послѣдній, если и потакалъ замысламъ короля, то вовсе не былъ надежнымъ человѣкомъ для того, чтобы ихъ исполнить. Это былъ роскошный, изысканный, суетный, малодушный аристократъ, умѣлъ красноречиво говорить, но не въ состояніи былъ бороться противъ неудачъ, и болѣе всего заботясь о самомъ себѣ, въ виду опасности всегда готовъ былъ перейти на противную сторону.

Въ 1645 году прибылъ въ Польшу венеціанскій посланникъ Тьеполо побуждать Польшу вступить съ Венеціею въ союзъ противъ турокъ: онъ обѣщалъ съ венеціанской стороны большія суммы денегъ и болѣе всего домогался, чтобы польское правительство дозволило козакамъ начать свои морскіе походы на турецкіе берега. Папскій пунцій также побуждалъ польскаго короля къ войнѣ. Надѣялись на соучастіе господарей молдавскаго и валашскаго, на семиградскаго князя и на московскаго царя. Въ началѣ 1646 года, польскій король заключилъ съ Венеціею договоръ; Тьеполо выдалъ королю 20.000 талеровъ на постройку козацкихъ чукъ, король пригласилъ въ Варшаву четырехъ козацкихъ старшинъ: Пльяша Карамовича, Барабана, Богдана Хмельницкаго и Пестеренка. Хмельницкій недолго былъ во Франціи, гдѣ сошлся съ графомъ Дебрежи, назначеннымъ посланникомъ въ Польшу, на счетъ доставки козаковъ во французское войско. Затѣмъ 2.400 охочихъ козаковъ отправилъ во Францію и въ 1646 году участвовали при взятіи Дюнкерка у испанцевъ.

Король видѣлся съ козацкими старшинами ночью, обласкалъ ихъ, обѣщалъ увеличить число козаковъ до 20.000, кромѣ реестровыхъ, отдать приказаніе построить чайки и дать имъ 6.000 талеровъ, обѣщая заплатить въ теченіе двухъ лѣтъ 60.000.

Все это дѣлалось тайно, но не могло долго сохраниться тайно. Король выдать такъ-называемые привилегіи для вербовки войска за-границею. Вербовка пошла сначала быстро. Въ Польшу стали прибывать нѣмецкіе солдаты, участвовавшіе въ тридцатилѣтней войнѣ и не привыкшіе сдерживать своего проноса. Шляхта, зорко смотрѣвшая за неприкосновенностью своихъ привилегій, стала кричать противъ короля. Сенаторы также подняли ропотъ. Королю ничего не оставалось, какъ предать свои замыслы на обсужденіе сейма.

Въ сентябрѣ 1646 года открылись предварительные сеймики по восводству. Шляхта повсюду оказывалась перасположенною къ войнѣ и толковала въ самую дурную сторону королевскіе замыслы. «Король, — кричали на сеймикахъ, — затѣваетъ войну, чтобы составить войско, взять его собѣ подъ начальство и посредствомъ его укротить шляхетскіе вольности. Онъ хочетъ обратить хлопковъ въ шляхту, а шляхту въ хлопковъ». Возникли самыя чудовищныя выдумки: болтали, что король хочетъ устроить рѣзню вродѣ Варшавскаго помята Оссолинскаго обзываютъ измѣнникомъ отечества.

Въ ноябрѣ собрался сеймъ въ Варшавѣ. Бѣдно единогласно закричали противъ войны. Королю оставалось покориться волѣ сейма и приказать распустиить набербованное войско, а козакамъ запретить строить чайки. Королю обизали впередъ не собирать войска и не входить въ союзы съ иностранными державами безъ воли Рѣчи Посполитой¹⁾.

Козацкіе чиновники Барановичъ и Барабанъ, видя, что предпріятіе короля не удастся, припрятали королевскую привилегію на увеличеніе козацкаго сословія и на постройку чаетъ. Хмельницкій хитростью досталъ эту привилегію въ свои руки. Рассказываютъ, что онъ

¹⁾ По замѣчанію Тѣсполо, королю стоило только подкупить нѣсколькихъ пословъ, чтобы сорвать сеймъ, такъ какъ въ Польшѣ голосъ одного посла уничтожалъ рѣшеніе дѣлагаго сейма. Но король не рѣшался на эту мѣру, потому что боялся междоусобій. При этомъ онъ старался поддерживать къ себѣ расположеніе націй, въ надеждѣ, что подлики современемъ выберутъ на престолъ его сына.

пригласилъ въ свой хуторъ Субботово козацкаго старшого (неизвестно, Барановскаго или Барабанна) и, напичкавши ихъ до-пьяна, взять у него шанку и платокъ и отиравши слугу къ женѣ старшого за привилегіею. Призвавъ вещи своего мужа, жена выдала важную бумагу.

Всѣмъ затѣмъ съ Хмельницкимъ произошло событіе, вѣроятно, имѣвшее связь съ похищеніемъ привилегіи. Его хуторъ Субботово (въ 8 вер. отъ Чигирина) былъ подаренъ отцу его прежнимъ чигиринскимъ старостою Даниловичемъ. Въ Чигиринѣ былъ уже другой староста Александръ Конецпольскій, а у него подстаростой (управителемъ) шляхтичъ Чаплинскій. Постѣдній выростилъ себѣ у Конецпольскаго Субботово, такъ какъ у Хмельницкаго не было документовъ на владѣніе. Получивши согласіе старосты Конецпольскаго, Чаплинскій, по польскому обычаю, едѣлалъ наѣздъ на Субботово въ то время, когда Хмельницкій былъ въ отсутствіи; и когда десятилѣтній мальчикъ, сынъ Хмельницкаго, ему сказалъ что-то грубое, то онъ приказалъ его высѣчь. Слуги такъ немилосердно исполнили это приказаніе, что дитя умерло на другой день. Кромѣ того, Чаплинскій обвѣщавалъ по уставу римско-католической церкви съ женщиною, которую любилъ Хмельницкій: некоторые говорятъ, что она уже тогда была его второю женою, которую Хмельницкій взялъ послѣ смерти первой своей супруги, Анны Сомко¹⁾).

Хмельницкій искалъ судомъ на Чаплинскаго, но не могъ ничего сдѣлать, потому что не имѣлъ письменныхъ документовъ на имѣніе. Въ польскомъ судѣ того времени трудно было козаку тягаться съ шляхтичемъ, покровительствуемымъ важнымъ паномъ²⁾).

Тогда Хмельницкій собрать сходку до тридцати чело-
вѣкъ козаковъ и стать съ ними совѣтоваться, какъ

¹⁾ Матери сыновей Хмельницкаго, Тимофея и Юрія, и дочерей, Стефанны и Екатерины.

²⁾ Осталось преданіе, записанное въ современныхъ лѣтописяхъ, за достовѣрность котораго поручиться нельзя. Разсказывается, что будто Хмельницкій обращался къ королю, и Владиславъ сказалъ ему: «вы войны и носите сабли; кто вамъ за себѣ стать запрещаеть?»

бы воспользоваться привилегіей, данной королевѣ, возстановить силу козачества, возвратить свободу православной вѣрѣ и оградить русскій народъ отъ своеволия польскихъ пановъ. Одинъ сотникъ, бывшій на этой сходкѣ, сдѣлалъ доносъ на Хмельницкаго. Коронный гетманъ Потоцкій приказалъ арестовать Хмельницкаго. Но переяславскій полковникъ Кречовскій, которому былъ отданъ Хмельницкій подъ надзоръ, освободилъ арестованнаго. Хмельницкій верхомъ убѣжалъ стѣною въ Запорожскую Сичъ, которая была тогда на «Микитиномъ Рогѣ».

Здѣсь засталъ Хмельницкій не болѣе трехъ сотъ удалцевъ, но они кликнули клятвѣ и стали собирать съ разныхъ дѣвипровскихъ острововъ и береговъ проживавшихъ тамъ бѣглецовъ. Самъ Хмельницкій отправился въ Крымъ. Онъ показати привилегію короля Владислава хану. Ханъ Исламъ-Гирей увидѣлъ ясныя доказательства, что польскій король затѣвалъ противъ Крыма и противъ Турціи войну; кромѣ того ханъ былъ уже золъ на короля за то, что уже нѣсколько лѣтъ не получалъ изъ Польши обычныхъ денегъ, которыми поляки называли подарками, а татары считали данью. Представился татарамъ отличный и благовидный поводъ къ приобрѣтенію добычи. Однако, ханъ самъ не двинулся на Польшу, хотя обѣщалъ сдѣлать это современемъ, но позволить Хмельницкому пригласить съ собою кого-нибудь изъ мурзъ. Хмельницкій позвалъ Тутай-бея, переконскаго мурзу, славнаго своими наѣздами: у Тутай-бея было до четырехъ тысячъ воиновъ.

Это дѣлалось зимою съ 1647 на 1648 годъ. Коронный гетманъ Николай Потоцкій и польный (его помощникъ) Мартинъ Калиновскій собирали войско, приглашали пановъ явиться къ нимъ на помощь съ своими отрядами, которые, по тогдашнему обычаю, паны держали у себя подъ названіемъ надворныхъ командъ. Потоцкій пытался какъ-нибудь хитростью выманить Хмельницкаго изъ Сичи, отправлялъ къ нему шесма въ Сичу. Но попытки его въ этомъ родѣ не удались.

Между тѣмъ, русскій народъ готовился къ возстанію. Козаки, пересѣдѣтые то нищими, то богомольцами,

ходили по городамъ и селамъ и уговаривали жителей. — то отворить козакамъ Хмельницкаго ворота города, то насыпать песку въ польскія пушки, то бѣжать въ стѣну въ ряды воиновъ запорожскихъ. Поляки принимали строгія мѣры: запрещали ходить толпами по улицамъ, собираться въ домахъ, забирали у жителей оружіе или отнимали у нихъ ружей замки, жестоко мучили и казнили тѣхъ, кого подозрѣвали въ соумышленіи съ Хмельникомъ. Потоцкій объявилъ своимъ универсаломъ, что всякій убѣжавшій въ Запорожье отвѣчаетъ жизнью своей жены и дѣтей. Такія мѣры обратились во вредъ полякамъ и раздражали ужъ и безъ того ненавидѣнный ихъ русскій народъ. Съ лѣвой стороны Днѣпра убѣгать было удобнѣе, и толпы сѣбишли оттуда къ Хмельницкому. Весною у него образовалось тысячъ до восьми. Въ апрѣлѣ до предводителей польскаго войска дошелъ слухъ, что ихъ врагъ выступаетъ изъ Сичи; вмѣсто того, чтобы идти на него всѣмъ своимъ войскомъ, они отпировали противъ него реестровыхъ козаковъ съ ихъ начальниками по Днѣпру на байдакахъ (большихъ судахъ), а берегомъ небольшою отрядъ конницы, подъ начальствомъ молодого сына короннаго гетмана, Стефана, съ козацкимъ комиссаромъ Шембергомъ. «Стыдно, — говорили тогда коронный гетманъ, — посылать большое войско противъ какой-нибудь презрѣнной шайки подлыхъ хлоповъ».

Козаки, плывшіе на байдакахъ по Днѣпру, достигли 2-го мая урочища, называемаго «Каменнымъ Затопомъ» и остановились, ожидая идущаго берегомъ польскаго отряда. Часть козаковъ вышла на берегъ. Ночью съ 3-го на 4-е мая явился къ нимъ посланецъ Хмельницкаго, козакъ Ганжа, и смѣлою рѣчью воодушевилъ ихъ, уже и безъ того расположенныхъ къ возстанію. Полковникъ Кречовскій, находившійся въ высланномъ реестровомъ войскѣ, съ своей стороны, возбуждалъ за Хмельницкаго козаковъ. Реестровые утонули своихъ шляхетскихъ начальниковъ, угодишковъ панской власти: въ числѣ ихъ погибли Каранювичъ и Барабанъ. Утромъ всѣ присоединились къ Хмельницкому.

Успливали реестровыми козаками свое войско, Хмельницкій разбилъ 5-го мая польскій отрядъ у прото-

ка, называемаго «Желтыя Воды». Сынъ короннаго гетмана Стефанъ умеръ отъ ранъ; другихъ пановъ взяли въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ было тогда два знаменитыхъ внослѣдствіи челоѣка: первый былъ Стефанъ Чарнецкій, которому суждено было сдѣлаться искуснымъ польскимъ полководцемъ и свирѣпымъ мучителемъ русскаго народа; второй былъ Ираиъ Выговскій, русскій шляхтичъ; попавшійся въ плѣнъ, этотъ челоѣкъ до того сумѣлъ поддѣлаться къ Хмельницкому, что въ короткое время сталъ генеральнымъ инсаремъ и важнымъишимъ совѣтникомъ гетмана.

Главное польское войско стояло близъ Черкасъ, когда одинъ раненый полякъ принесъ туда извѣстіе о пораженіи посланнаго въ степь отряда. Потоцкій и Калиновскій не ладили другъ съ другомъ, дѣлали распоряженія наперекоръ одинъ другому, согласились, однако, на томъ, что надобно имъ отступить поближе къ польскимъ границамъ. Они двинулись отъ Черкасъ и достигли города Корсуна, на рѣкѣ Роеи; здѣсь они услышали, что Хмельницкій уже недалеко, и рѣшили остановиться и дать сраженіе: но 15 мая появился Хмельницкій подъ Корсуномъ; пойманные поляками козакъ настаивали имъ много преувеличенныхъ извѣстій о количествѣ и силѣ войска Хмельницкаго. Калиновскій готовъ былъ дать битву; Потоцкій не дозволилъ, и велѣлъ уходить по такому пути, по которому удобно было бы ускользнуть отъ непріятеля. Поляки взяли себѣ въ проводники одного русскаго хлана, который, какъ видно, съ намѣреніемъ былъ подосланъ Хмельницкимъ. Между тѣмъ, разсчитывая наперекъ, куда поляки пойдутъ, козацкій предводитель заранѣе усадъ своихъ козаковъ и приказалъ имъ при спускѣ съ горы въ долину, называемую «Крутая Балка», обрѣзать гору и сдѣлать обрывъ, претраждающій путь возамъ и лошадямъ. Планъ удался какъ нельзя лучше. Поляки со всеѣмъ своимъ обозомъ нагнулись прямо на это роковое мѣсто, кругомъ поросшее тогда лѣсомъ, и въ то же время на нихъ ударили со всеѣхъ сторонъ козакъ и татары; ихъ постигло полное пораженіе. Оба предводителя попались въ плѣнъ; вся артиллерія, все запасы и пожитки достались побѣдителямъ.

Шляхтичи, составлявшие войско, не спасли себя бѣгствомъ. Хлопы ловили ихъ, убивали или приводили къ козакамъ. Хмельницкій отдавъ польскихъ предводителей въ плѣны татарамъ, съ тѣмъ, чтобы заохотить ихъ къ дальнейшей помощи козакамъ.

Корсунская побѣда была чрезвычайно важнымъ, еще небывалымъ въ своемъ родѣ событіемъ; русскому народу какъ бы разомъ открылись глаза: онъ увидалъ и понялъ, что его поработители не такъ могучи и непобѣдны; панская гордыня пала подъ дружными ударами рабовъ, рѣшившихся наконецъ сбросить съ себя ярмо неволи.

Послѣ этой первой побѣды, Хмельницкій пріостановился и отправилъ въ Варшаву козацкихъ пословъ съ излобами и объясненіями, но въ это самое время короля Владислава постигла смерть въ Меречѣ, подавшая поводъ къ толкамъ объ отравѣ. Въ Польнѣ наступило безкоролевье, предстоялъ новый выборъ короля.

Но усиленной просьбѣ брацлавскаго воеводы Адама Киселя, хотѣвшаго какъ-нибудь протянуть время, Хмельницкій согласился вступить въ переговоры, и до сентября не шелъ съ войскомъ далѣе на Польшу; но мало довѣряя возможности примиренія съ поляками, написалъ грамоту къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которой извѣщалъ желаніе поступить подъ власть единого русскаго государя, чтобы исполнилось, какъ онъ выражался, «изъ далнихъ лѣтъ» слагаемое пророчество». Онъ убѣждалъ царя пользоваться временемъ и наступать на Польшу и Литву въ то время, когда козакъ будутъ напирать на ляховъ съ другой стороны. Московскій царь не воспользовался тогда удобнымъ случаемъ, а самъ Хмельницкій напрасно потерялъ нѣсколько мѣсяцевъ въ безполезныхъ переговорахъ съ Киселемъ и его товарищами, облеченными званіемъ комисаровъ.

Южнорусскій народъ смотрѣлъ совсѣмъ не такъ на обстоятельства, постигшія его. Какъ только разошлась вѣсть о побѣдѣ надъ польскимъ войскомъ, во всѣхъ предѣлахъ русской земли, находившейся подъ властью Польши, даже и въ Бѣлоруссіи, болѣе свыкнушей съ поработеніемъ, чѣмъ Южная Русь, вспыхнуло возстаніе.

Хлоны собирались въ найки, называемыя тогда загонами, нападали на панскія усадьбы, разоряли ихъ, убивали владѣльцевъ и ихъ дозорцевъ, истребляли католическихъ духовныхъ; доставалось и учителямъ и всякому, кто только былъ подозрѣваемъ въ расположеніи къ полякамъ. Тогда, — по замѣчанію современника гонимыхъ, — гибли православныя ремесленники и торговцы за то единственно, что носили польское платье, и не одинъ цеголь заплатилъ жизнью за то, что, по польскому обычаю, подбрасывалъ себѣ голову». Убіиства сопровождались варварскими жестокостями: сдирали съ живыхъ кожу, расчлѣвляли ножами; забивали до смерти палками, жарили на угляхъ, обливали кипяткомъ; обматывали голову по переносицѣ тетивою лука, повертывали голову и потомъ спускали лукъ, такъ что у жертвы выскакивали глаза; не было пощады и груднымъ младенцамъ. Самое ужасное острепеніе показывалъ народъ къ іудеямъ: они осуждены были на конечное истребленіе, и всякая жалость къ нимъ считалась измѣною. Свитки закона были извлекаемы изъ синагогъ; козаки плясали на нихъ и пили водку, потомъ клали на нихъ іудеевъ и рѣзали безъ милосердія: тысячи іудейскихъ младенцевъ были бросаемы въ колодцы и засыпаны землею¹⁾. По сказанію современника въ Украинѣ ихъ погибло тогда до ста тысячъ, не считая тѣхъ, которые померли отъ голода и жажды въ лѣсахъ, болотахъ, подземельяхъ, и погонули въ водѣ во время безполезнаго бѣгства. «Водѣ по полымъ, по горамъ лежали тѣла нашихъ братій. —

¹⁾ Въ Маджаринѣ, по извѣстію современника, козаки положили нѣсколько тысячъ связанныхъ іудеевъ на лугу, сначала предложили имъ принять христіанство и обѣщали пощаду, но іудеи отвергли эти предложенія; тогда козаки сказали: такъ вы сами виноваты; мы перебьемъ васъ за то, что вы ругались надъ нашею вѣрою. И потомъ всѣхъ истребили, но щадя ни пола, ни возраста. Странное казненіе постигло іудеевъ въ Полонномъ, гдѣ такъ много ихъ перерѣзали, что кровь лилась потоками черезъ окна домовъ. Въ другомъ мѣстѣ козаки рѣзали іудейскихъ младенцевъ и передъ глазами ихъ родителей, разсматривали внутренности зарѣзанныхъ, насмѣхаясь надъ обычнымъ у евреевъ раздѣленіемъ мяса на конеръ (что можно есть) и трефъ (чего нельзя есть) и объ однихъ говорили: это конеръ — фитьте! а о другихъ: это трефъ — бросайте собакамъ!

говорить современныи іудейскій раввинъ: — не было имъ спасеній потому, что гонители ихъ были быстры, какъ ораы небесныя». Только тѣ спасли себя, которые изъ страха за жизнь, приняли христіанство: такимъ русскіе прощали все прежнее и оставляли ихъ живыми съ ихъ имуществомъ; но перекресты скоро объявили себя снова іудеями, какъ только мѣновала опасность, и они могли выбраться изъ Украины.

Все польское, все шляхетское въ Южной Руси нѣсколько времени пораждено было какимъ-то безумнымъ страхомъ, не защищалось и бѣжало. Паны, имѣвше у себя вооруженныя команды, не въ силахъ были и не рѣшались противостоять народному возстанію. Только одинъ изъ пановъ не потерялъ тогда присутствія духа: то былъ Іеремія Вишневецкій, сынъ Михаила и молдавской княжны изъ дома Могилы. Онъ родился въ православной вѣрѣ, но совращенъ былъ іезуитами въ католичество и сдѣлался жестокимъ ненавистникомъ и гонителемъ всего русскаго. При началѣ возстанія, Вишневецкій жилъ въ Дубнахъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ у него, какъ и на правой, были обширныя владѣнія; онъ принужденъ былъ со своею командою, состоявшею изъ шляхты, содержимой на его счетъ, перейти на правый берегъ и начать въ своихъ имѣніяхъ казнить мятежниковъ съ такимъ же звѣрствомъ, какое выказывали одесноченныя хлопы надъ поляками и іудеями, выдумывать самыя затѣйливыя казни, наслаждался муками, совершаемыми передъ его глазами, и приговаривалъ: «мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ!» Своимъ примѣромъ увлекъ онъ за собою нѣсколькихъ пановъ, и вмѣстѣ съ ними началъ давать отпоръ народу, сражался нѣсколько разъ съ многочисленнымъ отрядомъ русскихъ хлоповъ и козаковъ, бывшихъ подъ начальствомъ полковника Кривоносова, но, несмотря на всю свою горячность, не могъ сломить его и удержать въ Польщу. Хмельницкій считалъ его своимъ первѣйшимъ врагомъ, и жестокости, совершаемыя Вишневецкимъ надъ русскимъ народомъ, ставилъ поводомъ къ разрыву начатыхъ переговоровъ.

Паны сенаторы, заправлявшіе дѣлами во время безкоролья, составили ополченіе изъ шляхты; начальства надъ этимъ ополченіемъ добивался себѣ Вишневецкій, но, вмѣсто него, назначены были три полководца: князь Доминикъ Заславскій, Александръ Конецпольскій (сынъ недавно умершаго гетмана Станислава) и Остророгъ. Хмельницкій, пропустивши лѣто, въ сентябрѣ отправился противъ нихъ.

Всего войска, выставленнаго противъ Хмельницкаго, было тридцать шесть тысячъ. Польское шляхетство въ это время не отличалось воинственностью, проводило въ своихъ имѣніяхъ спокойную и веселую жизнь, пользуясь изобиліемъ, которое доставляли ему труды порабощеннаго народа; въ войска, выставленномъ противъ Хмельницкаго, большая часть была такихъ, которые только въ первый разъ выходили на войну. Привычка считать хлопотъ полускотами побуждала поляковъ смотрѣть легкомысленно на войну. «Противъ такой сволочи, — говорили паны, — не стоитъ тратить пули; мы ихъ плетью разгонимъ по полю!» Другіе были до того самонадѣянны, что произносили такую молитву: «Господи, не помогай ни намъ, ни имъ, а только смотри, какъ мы раздѣлаемся съ этимъ негоднымъ мужицствомъ!» Польскій военный лагерь сдѣлался сборнымъ мѣстомъ, куда поляки ѣхали не драться съ неприятелемъ, а поведаться и пощеголять. Другъ передъ другомъ они старались выказать цѣнность своихъ коней, богатство упряжи, красоту собственныхъ нарядовъ, позолоченные луки на сѣдлахъ, сабли съ серебряною насѣчкою, чепраки, вышитые золотомъ, бархатные кунтуши, подбитые дорогими мѣхами, на шапкахъ кисти, украшенныя драгоценными камнями, сапоги съ серебрянными и золотыми шпорами; но болѣе всего паны силились отличаться, одинъ передъ другимъ, роскошью стола и кухни. За ними въ лагерь везли огромные склады посуды, ѣхали толпы слугъ; въ богато-украшенныхъ панскихъ шатрахъ блистали чеканные кубки, чарки, тарелки; даже умывальники и тази были серебряные; и было въ этомъ лагерѣ, по замѣчанію современниковъ, больше серебра, чѣмъ свинцу. Привезли паны съ собою бочки съ венгер-

скимъ виномъ, старымъ медомъ, пивомъ, запасы варенья, конфетъ, разныхъ лакомствъ, везли за ними богатые постели и ванны; однимъ словомъ, это были увеселительный съѣздъ наповѣ. Съ утра до вечера отправлялись пиры съ музыкою и танцы. Между тѣмъ, многочисленная прислуга, прибывшая съ панами для служения ихъ затѣмъ, и наемные солдаты, которые получили жалованье впередъ, истратили его, — безчинствовали надъ окрестными жителями, грабили ихъ, и жители говорили, что защитники, какими выставляли себя эти военные люди, хуже ихъ разоряють, чѣмъ козаки, которыхъ поляки старались выставить непріятелями и разорителями своего народа.

20 сентября приблизился Хмельницкій къ этому роскошному польскому табу; маленькая рѣчка Пилива отдѣляла козаковъ отъ поляковъ. Постъ незначительной схватки русскіе цѣпики напугали поляковъ, что у Хмельницкаго шло огромное войско, и онъ съ часу на часъ дожидается хана съ ордою. Это произвело такой всеобщій и внезапный страхъ, что ночью все побѣжало изъ лагеря, покинувъ свое имущество на волю непріятеля. Утромъ рано Хмельницкій ударилъ на бѣгущихъ: тогда смятеніе усилилось, поляки кидали оружіе, каждый кричалъ «стойте!» а самъ бѣжалъ; покидали раненыхъ и цѣпныхъ; иные погибли въ толпѣ отъ давки. Побѣдителямъ почти безъ выстрѣловъ досталось сто двадцать тысячъ возовъ съ лошадьми; знамена, шитыя шелмы, серебряная посуда, собольи шубы, персидскія ткани, рукобойники, постели, кушанья, еласти. — все лежало въ безпорядкѣ; винъ и водки было такъ много, что, при обыкновенномъ употребленіи, стало бы ихъ для всего войска на мѣсяць. Хлопы набросились на драгоценности, лакомства, вина — и это дало возможность убѣжать потякамъ. Хмельницкій двинулся ко Львову, не сталъ добывать этого города приступомъ, а только истребовать съ жителей окупъ въ двѣсти тысячъ злотыхъ, для заплаты татарамъ, помогавшимъ козакамъ¹⁾.

1) Городъ, который былъ только-что передъ тѣмъ порядочно обобранъ панами, бѣжавшими изъ-подъ Константинова, не могъ

24 октября пятью-шести Львова двинулся Хмельницкій къ Замостью, въ глубину уже настоящей Польши. Подъ Замостью стоялъ онъ до половины ноября.

Въ Варшавѣ между тѣмъ происходило избраніе новаго короля. На этотъ разъ близость козаковъ не дозволила намъ тѣмъ избраніе цѣлыя мѣсяцы, какъ прежде случалось; потребность главы государства слишкомъ была очевидна. Хмельницкій съ своей стороны отправилъ на сеймъ депутатовъ отъ козаковъ.

Было тогда три кандидата на польскій престолъ: сѣмиградскій князь Ракочи и двое сыновей покойнаго короля Сигизмунда III. Карлъ и Янъ-Казимиръ. Сѣмиградскій князь былъ устраненъ, прежде всѣхъ; изъ двухъ братьевъ королевичей взяла верхъ партія Яна-Казимира; козацкіе депутаты стояли также за него; Оссолинскій склонилъ многихъ на сторону Яна-Казимира, увѣряя, что шашке Хмельницкій будетъ воевать за этого королевича. Дѣло между двумя братьями уладилось тѣмъ, что Карлъ добровольно отказался отъ претензій на пользу брата. Янъ-Казимиръ былъ избранъ, несмотря на то, что былъ прежде іезуитомъ и получилъ отъ папы кардинальскую шапку. Что располагало Хмельницкаго быть на сторонѣ этого государя — неизвестно, какъ равнымъ образомъ трудно теперь опредѣлить, въ какой степени участвовало желаніе Хмельницкаго въ этомъ избраніи. Тѣмъ не менѣе, Хмельницкій показывалъ большое довольство, когда слышалъ о выборѣ Яна-Казимира. 19 ноября ему привезли отъ короля письмо съ приказаніемъ прекратить войну и ожидать королевскихъ комиссаровъ. Хмельницкій тотчасъ потянулся отъ Замостья со всѣмъ войскомъ назадъ въ Украину.

Хмельницкій въ послѣднее время дѣйствовалъ противно всеобщему народному желанію. Возставшій народъ требовалъ, чтобы онъ велъ его на Польшу, Хмельницкій уже пять-шесть Львова думалъ-было воротиться и,

дать чистою монетою болѣе, какъ на шестнадцать тысячъ злотыхъ, а все остальное доплатить товарами и вещами по разладѣ между жителями, при чемъ приходилось бѣдняку разстаться съ послѣднею дорогою вещью, которую онъ берегъ про черный день.

только уступая народному крику, ходилъ къ Замостью. Хмельницкій могъ идти прямо на Варшаву, навести страхъ на всю Рѣчь-Посполитую, заставить пановъ согласиться на самыя крайнія уступки; онъ могъ бы совершить коренной переворотъ въ Польшѣ, разрушить въ ней аристократическій порядокъ, положить начало новому порядку, какъ государственному, такъ и общественному. Но Хмельницкій на это не отважился. Онъ не былъ ни рожденъ, ни подготовленъ къ такому великому подвигу. Начавши возстаніе въ крайности, спасая собственную жизнь и отомщая за свое достоинствѣ, онъ, какъ самъ потомъ сознавался, ощутилъ на такой высотѣ, о которой не мечталъ, и потому не въ состояніи былъ вести дѣло такъ, какъ указывала ему судьба. Эпоха Хмельницкаго въ этомъ отношеніи представляетъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ въ исторіи, когда народная масса по инстинкту видитъ, что слѣдуетъ въ данное время дѣлать, но ей божаки не въ состояніи облечь въ дѣло того, что народъ чувствуетъ, чего народъ требуетъ. Хмельницкій былъ сынъ своего вѣка, усвоилъ польскія понятія, польскія общественныя привычки, и онѣ-то въ немъ сказались въ рѣшительную минуту. Хмельницкій началъ дѣло превосходно, но не повелъ его въ-порѣ дѣлѣ, какъ нужно было. На первыхъ порахъ, совершилъ онъ историческую ошибку, за которую пострадалъ рядъ другихъ, и такимъ образомъ, возстаніе Южной Руси пошло по другому пути, а не по тому, куда вели его вначалѣ обстоятельства. Увидимъ, какъ Хмельницкій сталъ въ разрывъ съ народомъ и въ отношеніи общественнаго идеала, созданнаго народною жизнью въ его время.

Хмельницкій, возвратившись изъ-подъ Замостья, прибылъ прежде всего въ Кіевъ. При звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ онъ ввѣхалъ въ полуразрушенныя Ярославовы Золотыя ворота и у стѣнъ св. Софіи былъ принѣтъ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, духовенствомъ и кіевскими гражданами. Буряки плѣли ему русскія и латинскія лѣсци, величали его спасителемъ народа, русскимъ Моисеемъ. Здѣсь дожидать его дорогой гость. Памсій, іерусалимскій патріархъ, ѣхавшій въ Москву. Онъ отъ лица православнаго міра на Во-

стоѣ приносить Хмельницкому поздравленіе съ побѣдами, дать ему отпущеніе грѣховъ, возбуждать на новую войну противъ латинства. Гетманъ былъ въ это время почему-то грустенъ. Въ его характерѣ начало проявляться что-то странное: онъ то постился и молился, то предавался пьяному разгулу и имѣлъ думы своего сочиненія; то былъ ласковъ и равенъ въ обращеніи со всѣми, то вдругъ дѣлался суровъ и надмененъ; то молился Богу, то совѣтовался съ чаровницами.

Изъ Кіева онъ уѣхалъ въ Переяславль и тамъ женился. Женою его, какъ говорятъ, сдѣлалась Чаплинская; о прежнемъ мужѣ ея разпорѣзали источники: по однимъ онъ былъ еще живъ, по другимъ убитъ. Прибавляютъ къ этому, что Чаплинская была Хмельницкому кума, и что патриархъ Пачій разрѣшилъ ему такой неподозволенный бракъ. Но есть также извѣстіе одного изъ современниковъ, что подлинно неизвѣстно: дѣйствительно ли эта Чаплинская была жена того, который отнялъ у Хмельницкаго Субботово, или другая, сходная съ нею по фамиліи.

Въ Переяславлѣ съѣхались къ Хмельницкому послы соседнихъ государствъ, искавшихъ своихъ выгодъ въ связи съ начинавшимся могуществомъ козаковъ. Изъ Турціи прибылъ посолъ отъ визиря, управлявшаго государствомъ за малолѣтствомъ султана, и предлагать Хмельницкому союзъ противъ Польши. Тогда заключенъ былъ договоръ, по которому козакамъ предоставлялось свободное плаваніе по Черному морю и Архипелагу съ правомъ безопылинной торговли на сто лѣтъ. Козаки обѣщались не нападать на турецкіе города и защищать ихъ. Седмиградскій князь Юрій Ракоци предлагать Хмельницкому вступить въ союзъ и двинуться вмѣстѣ на Польшу, чтобы доставить корону Юрію; за это Юрій обѣщалъ во всѣхъ польскихъ областяхъ свободу православной гдѣры, а самому Хмельницкому — удѣльное государство въ Украинѣ съ Кіевомъ. Прислали къ Хмельницкому пословъ господарь, молдавскій и валашскій, также съ предложеніемъ дружбы. Хмельницкій, узнавши, что у молдавскаго господаря есть дочь, просить руки ея для своего сына. Прибылъ посланникъ царя Але-

коѣя Михайловича, Унковскій, привезъ по обычаю въ подарокъ мѣха и ласковое слово отъ царя; но царь уклонился отъ разрыва съ Польшею и желалъ успѣха козакамъ только въ томъ случаѣ, когда поводомъ къ возстанію у нихъ дѣйствительно была одна только вѣра. Наконецъ, въ февралѣ прибыли въ Переяславль обвиненные отъ новаго короля комисары: сенаторъ Адамъ Кисель, его племянникъ, повтородъ-сѣверскій хорунжій Кисель, Захарій князь Четвертинскій и Андрей Мясцовскій съ ихъ свитою. Послѣдній оставилъ очень любопытное описаніе свиданія съ Хмельницкимъ.

Комисары привезли Хмельницкому отъ короля грамоту на гетманство, булаву, осыпанную саффирами, и красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла. Хмельницкій назначилъ имъ аудіенцію на площади, собрать козацкую раду; здѣсь-то высказался народный взглядъ, не хотѣвшій никакихъ сдѣлокъ, стремившійся къ рѣшительному разрѣшенію вопроса между Русью и Польшею.

«Защѣмъ вы, ляхи, принесли намъ эти дѣтскія игрушки? — закричала толпа. — Вы хотите насъ подманить, чтобы мы, скинувши панское ярмо, опять его надѣли! Пусть пропадутъ ваши льстивые дары! Не словами, а саблями расправимся. Владѣйте себѣ своею Польшею, а Украина пускай намъ, козакамъ, останется».

Хмельницкій съ сердцемъ останавливалъ народный говоръ; но потомъ за обѣдомъ, въ разговорахъ съ Адамомъ Киселемъ и его товарищами, подвыпивши, выразилъ такія же задушевные чувства:

«Что толковать, — говорилъ онъ, — ничего не будетъ изъ вашей комиссіи. Война должна начаться недѣли черезъ двѣ или четыре. Переверну я васъ, ляховъ, вверхъ ногами, а потомъ отдамъ васъ въ неволю турецкому царю. Пусть бы король былъ королемъ; чтобъ король казнилъ шляхту, и дукотъ, и князей вашихъ. Учинить преступленіе князь, отруби ему голову; а учинить преступленіе козакъ — и ему то же сдѣлай. Вотъ будетъ правда! Я хоть себѣ небольшой человекъ, да вотъ Богъ мнѣ такъ далъ, что я теперь единовластный само-

держецъ русскій! Если король не хочетъ быть вольнымъ королемъ, ну, какъ ему угодно».

Адамъ Кисель истощалъ предъ козацкимъ вождемъ все свое краснорѣчіе, обѣщаль увеличеніе козацкаго войска до пятнадцати и даже до двадцати тысячъ, надѣленіе его новыми землями, давалъ позволеніе козакамъ идти на невѣрныхъ; но Хмельницкій на все это сказалъ ему:

«Напрасныя рѣчи! Было бы прежде со мною объ этомъ говорить; теперь уже сдѣлать то, о чемъ не думать. Сдѣлаю то, что замыслилъ. Выбью изъ лядской неволы весь русскій народъ! Прежде я воевалъ за свою собственную обиду; теперь буду воевать за православію и веру. Весь черный народъ поможетъ мнѣ по Люблинъ и по Краковъ, а я отъ него не отступлю. У меня будетъ двѣсти тысячъ, триста тысячъ войска. Орда уже стоитъ на-готовѣ. Не пойду войною за-границу: не подыму сабли на турокъ и татаръ; будетъ съ меня Украины, Подолия, Волыни; довольно достаточно нашего русскаго княжества по Холмъ, Львовъ, Галичъ. Стану надъ Вислою и скажу тамошнимъ ляхамъ: «Сидите ляхи! молчите, ляхи!» Беѣхъ, тузовъ вашихъ, князей туда загоню, а стану за Вислою кричать — я ихъ и тамъ найду! Не останется ни одного князя, ни шляхтинки на Украинѣ; а кто изъ васъ съ нами хочетъ хлѣбъ ѣсть, тотъ пусть Войску Запорожскому будетъ послушенъ и не брыкаеть на короля».

Слушая эту рѣчь, паны, какъ сами потомъ говорили, подеревенѣли отъ страха.

Окружавшіе Хмельницкаго полковники при этомъ говорили:

«Уже прошли тѣ времена, когда ляхи были намъ страшны; мы подъ Пилижами испытали, что это уже не тѣ ляхи, что прежде бывали. Это уже не Жолѣвскіе, не Ходѣвичи, это какіе-то Тхоржевскіе, да Запечковскіе (Хорьковскіе — отъ хорька — *chórz* и Зайцовскіе отъ зайца — *zajac*), дѣти, нарядившіяся въ желѣзо! Померли отъ страху, какъ только насъ увидѣли».

Однако, по усиленной просьбѣ польскихъ комесаровъ, Хмельницкій подаль Адаму Киселю условія мира

въ такомъ смыслѣ: во всей Руси уничтожить память и сѣмьдѣ уніи; уніатскимъ церквамъ не быть вовсе, а римскимъ костеламъ оставаться только до времени: кіевскому митрополиту дать первое мѣсто въ сенатѣ постѣ примага польскаго; всѣ чины и должности въ Руси должны быть замѣнены православными; козацкій атаманъ, долженъ зависѣть только отъ одного короля; жидамъ, не дозволять жителствовать въ Украинѣ. Наконецъ, въ условія было включено, чтобы Іеремія Вишневецкій не получалъ начальства надъ польскимъ войскомъ.

— Комиссары отказались подписать эти условія, въ сущности довольно умѣренныя, и уѣхали. Предложеніи Хмельницкаго возбудили негодованіе въ польскомъ сенатѣ. Въ тѣ времена поляки, по фанатизму, ни за что не рѣшались на уничтоженіе уніи. Кромѣ того, требованія Хмельницкаго угрожали панамъ въ будущемъ лишеніемъ ихъ имѣній и владѣльческихъ правъ на Руси.

Поляки выставили войско подъ начальствомъ трехъ предводителей: Ланскоронскаго, Фирсея и Іереміи Вишневецкаго. Сверхъ того, королю дали право на собраніе непосполитаго рушенія, т. е. непосполнаго ополченія неляхты: мѣра эта предпринималась только тогда, когда отечеству угрожала крайняя опасность.

Въ Украинѣ происходилъ сборъ цѣлаго народа на войну. Пустѣли хутора, села, города. Поселянничъ бросалъ свой плугъ, надѣясь пожить на счетъ пановъ, на которыхъ прежде работалъ: ремесленники покидали свои мастерскія, куницы свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, сивовары, могильники (копатели сторожевыхъ кургановъ), банники — бѣжали въ козаки. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ было магдебургское право, почтенные бургомистры, райцы, войты и канцеляристы побросали свои уряды и пошли въ козаки, обривши себѣ бороды (по обычаю того времени военные брили себѣ бороды). «Такъ-то, — замѣчаетъ современникъ, — дьяволъ, učinилъ себѣ смѣхъ изъ почтенныхъ людей». Пресрѣбіе и насмѣшки оживляли людей, не участвовавшихъ въ возстаніи; только катѣлки, старики, женщины и дѣти оставались дома, да и то по большей части больной человекъ или бездѣтный старикъ, стыдился

оставаться безучастнымъ въ дѣлѣ освобожденія отечества, ставилъ за себя пасмщика. Хмельницкій раздѣлялъ ихъ на полки, которыхъ тогда составилось двѣнадцать на правой сторонѣ Днѣпра¹⁾ и двѣнадцать на лѣвой²⁾. Но не все войско было съ Хмельницкими; онъ отправилъ часть его въ Литву возмущать бѣлорусскихъ хлоповъ.

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина въ маѣ и шелъ медленно, ожидая крымскаго хана. Исламъ-Гирей соединился съ нимъ въ юнѣ на Черномъ-мѣстѣху. Въ его ополченіи были крымскіе горцы, отличные стрѣлки изъ лука, степные поганъ въ вывороченныхъ шерстью вверхъ тулупахъ, питавшіеся кониной, согрѣтою подъ сѣдломъ; буджакскіе татары, сносившіе съ удивительнымъ терпѣніемъ жаръ и холодъ, изумлявшіе своимъ знаніемъ безиримѣной степи, способные, какъ говорили о нихъ, подолгу оставаться въ водѣ; были съ ханомъ черкесы

1) Чигиринскій, черкасскій, корсунскій, лысянскій, бѣлоцерковскій, наволоцкій, уманскій, калыницкій, каневскій, животовскій (иначе брацлавскій), потѣсенскій и могилевскій. Пространство, занимаемое этими полками, составляло нынѣшнія губерніи: кіевскую, волынскую по р. Горынь, подольскую, часть Червоной Руси и часть минской губерніи. Каменецъ, твердая, неприступная крѣпость, оставался еще въ рукахъ поляковъ.

2) Переяславскій, пѣкинскій, черниговскій, прилужскій, пласкскій, дубенскій, прохладскій, мѣггородскій, кропивинскій, галицкій, полтавскій и зѣиковскій. Они занимали нынѣшнія полтавскую и черниговскую губерніи и часть могилевской по Гомель.

Полки раздѣлялись на сотни: сотня заключала въ себя села и города, и носила названіе по имени какого-нибудь значительнаго мѣстечка. Иная сотня заключала въ себя до тысячи человѣкъ; сотни дѣлились на курени. Верховное мѣсто управленія называлось войсковою канцелярією; тамъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, засѣдала генеральная или войсковая старшина: обозный (начальникъ артиллеріи и лагерной постройки), есаулъ, писарь, судья и хорунжій (главный знаменосецъ). Въ каждомъ полку была полковая канцелярія и полковая старшина: полковникъ, обозный, писарь, судья и хорунжій. Въ сотнѣ была сотенная канцелярія и сотенная старшина. Куренями начальствовали атаманъ. Чиновникъ набирался на радахъ и утверждался гетманомъ. Этотъ порядокъ въ сущности издавна велся въ козацкомъ войскѣ, но на этотъ разъ распространился на цѣлый народъ, такъ что слово «козакъ» перенеслось на всю массу возмужающаго южно-русскаго населенія.

съ бритыми головами и длинными чубами. Явились по зову Хмельницкаго удайцы съ Дона. Никто не просилъ жалованья впередъ; каждый безъ торго имѣлъ на войну, надѣясь разгромить богатую Рѣчь-Посполитую.

Хмельницкій со своимъ полчищемъ осадилъ польское войско подъ Збаражемъ 30 іюня (10 іюля новаго стilia), и держалъ его въ осадѣ, надѣясь принудить къ сдачѣ голодомъ и безпрестанною пальбою. Поляки заготовили себѣ такъ мало запасовъ, что черезъ нѣсколько недѣль у нихъ сдѣлался голодъ. Роскошныя паны принуждены были питаться конскимъ мясомъ; простые жолнѣры пожирали конекъ, мышей, собакъ, а когда этихъ животныхъ не хватало, то срывали кожу съ возовъ и обуви и ѣли, разваривая въ водѣ. Много умирало ихъ; козаки нарочно бросали въ воду трупы, чтобы испортить се. Поляки доходили до такого положенія, въ какомъ были ихъ отцы въ Москвѣ. Русскіе хлопцы насмѣхались надъ ними и кричали:

«Скоро ли вы, господа, будете оброкъ собирать съ насъ? Вотъ уже цѣлый годъ, какъ мы вамъ ни что не платимъ; а можетъ быть, раздумаете заказать намъ какую-нибудь барщину?.. Сдавайтесь-ка лучше! А то напрасно кунтуши свои исначкали, лазаючи по шанинамъ! Въѣдь это все наше, да и сами вы попадете въ добычу голоднымъ татарамъ! Вотъ что надѣлали вамъ очковые, да панцирные, да пересуды, да сухомельщичны! Хороша вамъ была тогда музыка, а теперь такъ, славно вамъ дудку заиграли козаки!»

Нѣсколько разъ уже распространялось между жолнѣрами намѣреніе разбѣжаться, хотя это значило идти вслѣдъ на явную смерть, потому что хлопцы не оставили бы въ живыхъ никого; но весь обозъ удерживалъ тогда вѣнцеславный князь Іеремія Вишневецкій. По его συμβѣту, одинъ цѣлхитичъ, по имени Стоминовскій, причесавшись по-мужички, взялъ съ собою писмо къ королю; ночью онъ перелѣзъ окопы, бросился въ прудъ, примыкавшій съ одной стороны къ польскому обозу, переплылъ прудъ, проползъ среди спящихъ непріятелей, къ свѣту пребрался до болотистаго мѣста, гдѣ просидѣлъ цѣлый день: слѣдующую ночь опять ползъ среди спя-

лихъ непріятелей, при малѣйшемъ шумѣ припадая къ землѣ и заставляя дыханіе, какъ дѣлають охотники за медвѣдью. Минувши непріятельскій станъ, онъ пустился бѣжать, вытравивъ себя за русскаго хлана, потому имѣя почтовыхъ лошадей и прискакавъ въ мѣстечко Топоровъ, гдѣ засталъ Яна-Казимира.

Король, получивши отъ паны благословеніе, освещенное знамя и мечъ, выѣхалъ изъ столицы и стѣдовалъ медленно, ожидая прибытія изъ разныхъ воеводствъ ополченій посполитаго рушениа. У него было регулярнаго войска тысячь двадцать, (а можетъ быть, нѣсколько болѣе). Посполитое рушеніе безпрестанно прибывало по частямъ. Получивши письмо отъ сандвичихъ и разспросивши Стомпковского о положеніи войска, король двинулся на выручку осажденнымъ; но путь его былъ труденъ по причинѣ дождей, испортившихъ дороги. Поляки потомъ жаловались, что никакъ не могли добыть точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ: зата Русь, — всѣ на-голо мятежники, — говорили они —. Хоть жги ихъ, а они правды не скажутъ! Хмельнички, напротивъ, зная о всѣхъ движеніяхъ своего непріятеля, Русскіе хланы, привозившіе запасы въ королевское войско, отправлялись послѣ того къ своимъ братьямъ козакамъ рассказывать о положеніи непріятельскаго войска. Много служъ перебѣжало отъ своихъ пановъ къ козакамъ.

Король прибылъ, наконецъ, къ мѣстечку Зборову, уже недалеко отъ Збаража. Зборовскіе мѣщане тотчасъ же дали знать Хмельницкому о королевскомъ приходѣ и обещали помогать ему. Оставивши нѣкое войско подъ Збаражемъ, Хмельничкій взялъ съ собою кошицу и, въ сопровожденіи крымскаго хана и татаръ, отправился къ Зборову.

Въ воскресенье, 5 августа (15 нов. ст.), поляки стали переправляться черезъ рѣку Стрину. День былъ пасмурный и дождливый. Козаки изъ тѣсу видѣли, что дѣлается у непріятеля. Когда половина посполитаго рушениа успѣла переправиться, а другая оставалась на противоположномъ берегу и шляхтичи, не ожидая нападенія, расположились обѣдать. — козаки и татары

ударили на нихъ и истребили всѣхъ до послѣдняго изъ бывшихъ на одной сторонѣ рѣки. Велѣды затѣмъ начали сраженіе на противоположномъ берегу. Король выказалъ большую дѣятельность и подвергалъ себя опасности; но въ сумерки поляки сбѣгли въ свой обозъ, и непріятель окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Ночью паны хотѣли-было какимъ-нибудь способомъ вывести короля тайно изъ обоза, но Ягъ-Газимиръ отвернулъ это постыдное предложеніе. По совѣду канцлера Осолницкаго, король написалъ крымскому хану письмо, предлагая ему дружбу, съ тѣмъ, чтобы отвлечь его отъ Хмельницкаго.

Съ солнечнымъ восходомъ битва возобновилась. Козаки ударили на польскій лагерь съ двухъ сторонъ. Сраженіе было кровопролитное. Козаки ворвались въ польскій станъ и достигали-было уже короля. Вдругъ все измѣнилось. Изъ козацкаго стана раздаются крики: «згода!» Побѣдители отступили. Нужно было, однако, еще много времени, чтобы унять разсвирѣпѣвшихъ воиновъ.

Велѣды за тѣмъ явился въ польскій обозъ татаринъ съ письмомъ отъ крымскаго государя. Писамъ-Гирей желалъ польскому королю счастья и здоровья, изъявлялъ огорченіе за то, что король не извѣстилъ его о своемъ вступленіи на престолъ, и выразился такъ: «ты мое царство ни во что поставилъ и меня человѣкомъ не считалъ; поэтому мы пришли зимовать въ твои утѣсы, и по волѣ Господа Бога останемся у тебя въ гостяхъ. Если угодно тебѣ потолковать съ нами, то вышли своего канцлера, а я вышлю своего». Прислать королю письмо и Хмельницкій, увѣрялъ, что онъ вовсе не мятежникъ, и только прибѣгнуть къ великому хану крымскому, чтобы возвратити себѣ милость короля. «Вашему величеству, — писалъ Хмельницкій, — угодно было назначить вмѣсто меня гетманомъ козацкимъ пана Забусскаго; извольте прислать его въ войско: я тотчасъ отдамъ ему булаву и знамя. Я съ войскомъ запорожскимъ, при избраніи вашемъ, желалъ и теперь желаю, чтобы вы были болѣе могущественнымъ королемъ, чѣмъ былъ блаженной памяти братъ вашъ».

Трудно решить, что было причиной этого внезапнаго прекращенія сраженія. Украинскій лѣтописецъ того времени говоритъ, что Хмельницкій не хотѣлъ отдавать христіанскаго государя въ бусурманскую неволю; поляки принижаютъ это дѣло главнымъ образомъ хану.

Прежде заключенъ былъ договоръ съ ханомъ. По этому договору польскій король обязался платить крымскому хану 90.000 злотыхъ ежегодно, и сверхъ того дать 200.000 злотыхъ единовременно. Татары называли это данью; поляки оскорблялись и говорили, что это «не дань, а подарокъ». Татары отвѣчали: «все равно, какъ вы называете, данью или даромъ, лишь бы деньги были».

Затѣмъ былъ заключенъ договоръ съ козаками. Войска козацкаго положено быть 40.000, съ правомъ занимать ихъ изъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣній на пространствѣ, занимаемомъ кіевскимъ, брацлавскимъ и черниговскимъ воеводствами (нынѣшними губерніями: кіевскою, полтавскою, черниговскою и частью подольскою). Въ черѣ, гдѣ будутъ жить козаки, не позволяется квантировать королю войску и проживать іудеямъ; всѣ должности и чины въ означенныхъ воеводствахъ будутъ даваться только православному; іезуитамъ не дозволяется жить въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ будутъ русскія школы; кіевскій митрополитъ будетъ засѣдать въ сенатѣ; а относительно уничтоженія униі какъ въ Королевствѣ Польскомъ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, будетъ сдѣлано соименное постановленіе. Общана всѣмъ полная амнистія за все прошлое.

Послѣ заключенія договора, Хмельницкій 10 августа (20 и. с.) былъ допущенъ къ королю (взявши, однако, заложниковъ на то время, когда отправится въ польскій лагерь). Онъ держалъ себя съ достоинствомъ, говорилъ хотя почтительно, но смѣло, изложилъ въ краткомъ видѣ насилія и оскорбленія, которыя были дѣлаемы польскими панами и довели народъ до возстанія. «Терпѣніе наше потерялось. — выразился Хмельницкій. — Мы принуждены были призвать чужеземцевъ противъ шляхетства. Нельзя осуждать насъ за то,

что мы защищали нашу жизнь и наше достоинство! И скотъ бодается, если его мучать!»

Литовскій подканцлеръ Салтъга, отъ имени короля, тутъ же присутствовавшаго, объявилъ ему забвеніе всего прошлаго.

Мирный договоръ избавилъ остатокъ войска, погибшаго отъ голода подъ Зборажемъ. Востѣвъ затѣмъ дано было приказаніе прекратить войну и въ Бѣлорусіи. Возстаніе приняло-было въ этой странѣ уже значительный размѣръ, когда туда явился съ козаками два предводителя: Подобайчо и Кречовскій. Они успѣли поднять нѣсколько десятковъ тысячъ хлопковъ, но польскій литовскій гетманъ Радзивиллъ, послѣ упорнаго съ ихъ стороны сопротивленія, уничтожилъ ихъ скопище близъ Рѣчицы. Раненый Кречовскій попался въ плѣнъ и, чтобы не доставаться на поруганіе побѣдителю, разбилъ себѣ голову о возъ, на которомъ его вели въ плѣнъ непріатели.

Первое время послѣ заключенія мира было временемъ всеобщаго восторга, эпохою небывалой народной славы. Скоро осмотрѣлись русскіе, опомнились отъ упоенія побѣды; настали для нихъ опять скорби, заботы и бѣды. Весь прошлый годъ поселяне не пахали полями, находясь въ рядахъ козацкаго войска; много набрали они добычи, но все это продавалось дешево московскимъ и турецкимъ купцамъ; хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ; тяжело стало бѣднымъ. Но то было начало скорбей — только цѣпки, какъ говорится. Оказалось, что Хмельницкій не такъ-то благотѣльно для народа устроить его дѣло, и что Зборовскій договоръ, по своему содержанію, представлялъ рѣшительную невозможность, какъ для русскихъ, такъ и для поляковъ, соблюдать его; обѣ стороны должны были его нарушить.

Но снѣвъ Зборовскаго договора, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ явился въ Варшаву занять свое почетное мѣсто въ сенатѣ. Но римско-католическіе духовные подняли ропотъ и объявили, что они сами оставятъ сенатъ, если рядомъ съ ними будетъ допущенъ схизматикъ, врагъ апостольской столицы. Митрополитъ долженъ былъ удалиться. Еще менѣе возможно было уни-

чтоженіе униі. Король 12 января далъ грамоту, утверждающую права православной церкви и неприкосновенность церковныхъ и монастырскихъ имѣній; вѣдомству кіевскаго митрополита возвращались епархіи: лунинская, холмская и витебская, соединенная съ мстиславскою. Дозволялось возобновлять православныя церкви: предоставлялись надзору русскаго духовенства школы, типографіи и цензура духовныхъ книгъ. Эта грамота короля Яна-Казимира мало могла имѣть силы, какъ и тѣ, которыми надѣлять православную церковь король Владиславъ. Пока существовала униа, православная церковь не могла быть свободною.

Права, предоставленныя русскому народу Зборовскимъ договоромъ, не могли удовлетворить народа. Можно сказать, что договоръ этотъ былъ бы умѣстенъ, если бы заключенъ былъ лѣтъ двадцать назадъ; но условія, въ которыя поставила русскій народъ сцена недавнихъ бурныхъ событій, не соответствовали статьямъ этого договора. Сообразно Зборовскому договору, Хмельницкій занялся составленіемъ реестра козацкаго войска; нужно было записать въ него сорокъ тысячъ козаковъ. Хмельницкій занесалъ туда нѣсколькими тысячами болѣе, чѣмъ слѣдовало. Каждый козакъ поступалъ въ козачество съ своею семьею. Гетманъ набиралъ козаковъ преимущественно изъ имѣній Вишневецкаго и Конецпольскаго. Выѣзть съ козакомъ отходить отъ пана и земельный участокъ, занимаемый и обрабатываемый козакомъ, Хмельницкій отбиралъ у пана въ цѣль растолковать предлогу, что паны захватили коронныя владѣнія, и отдавалъ ихъ генеральной старшинѣ и почтовымъ чиновникамъ. Такимъ образомъ, на будущее время образовался классъ ранговыхъ помѣстій, такихъ, которыми владѣли козацкіе чиновники, пока носили свой чинъ. Для гетманскаго чина — на булаву, какъ говорилось, — отдано было королевемъ чигиринское староство. Кроме него, Хмельницкій захватилъ въ свою полку богатое мѣстечко Мліевъ, доставлявшее бывшему своему владѣльцу Конецпольскому до двухсотъ талеровъ дохода. Каждый козакъ былъ самостоятельный владѣлецъ своего участка, обязанъ былъ зато нести военную службу

и были освобождены от всякихъ другихъ тягостей и поборовъ. Козаки раздѣлены были по полкамъ: всѣхъ полковъ въ 1650 году было устроено шестнадцать ¹⁾, и каждый полкъ означалъ край съ полковымъ городомъ и сотенными городами и селами. Въ городахъ (Брацлавль, Винницъ, Черкасахъ, Васильковъ, Овручъ, Кіевъ, Переяславль, Остръ, Нѣжинъ, Мѣлинь, Черниговъ. По-

¹⁾ 1) Брацлавскій, подъ начальствомъ Данила Нечая, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: могилевскомъ, ямпольскомъ, значительной части винницкаго и брацлавскаго уѣздовъ. Въ немъ заключалась двадцать одна сотня. 2) Уманскій, подъ начальствомъ Юсифа Глуха, въ нынѣшнемъ уѣздѣ уманскомъ, въ восточной части гайсинскаго и липовецкаго и западной части звенигородскаго. Эта земля носила названіе Уманщины. Въ немъ было тринадцать сотенъ. Умань была его полковой городъ. 3) Капыицкій, подъ начальствомъ Ивана Федоренка, въ нынѣшнемъ уѣздѣ липовецкомъ, въ сѣверной части брацлавскаго, въ сѣверо-восточной винницкаго, въ западной части таращанскаго и въ южной половинѣ махновскаго. Всѣхъ сотенъ было въ немъ восемнадцать. 4) Чигиринскій, подъ начальствомъ Федора Якубовича-Вешняка, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: чигиринскомъ, знонгородскомъ и въ западной части кремончуговскаго. Въ немъ было восемнадцать сотенъ. 5) Корсунскій, подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры, въ нынѣшнихъ уѣздахъ таращанскомъ и каневскомъ. Его главнымъ городомъ былъ Корсунъ, возобновленный отъ пожара. Въ этомъ полку было девятнадцать сотенъ. 6) Черкасскій, подъ начальствомъ Яска Воронченка, въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ и въ западной части золотоношскаго. Въ немъ было девятнадцать сотенъ съ полковымъ городомъ Черкасы. 7) Каневскій, подъ начальствомъ Семена Савича, занималъ правый берегъ Днѣпра, уѣздъ каневскій и южную часть кіевскаго, съ полковымъ городомъ Каневомъ; въ немъ было шестнадцать сотенъ. 8) Кіевскій, подъ начальствомъ Антона Ждановича, занималъ большую часть кіевскаго уѣзда, восточную часть васильковскаго, радомыслскій, овручскій уѣздъ и западную часть остерскаго. Его полковымъ городомъ былъ Кіевъ. Всѣхъ сотенъ было семнадцать. 9) Бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ Михаила Громыки, въ уѣздахъ: сквирскомъ, въ западной части васильковскаго, и въ сѣверной таращанскаго. Мѣстечко Бѣлая-Церковь было его полковымъ городомъ. 10) Кропивинскій, подъ начальствомъ Филона Джедзичика, занималъ земли въ восточной части золотоношскаго уѣзда, въ западной части лубенскаго, въ восточной части нирятинскаго. Полковой его городъ былъ Кропивна. Всѣхъ сотенъ было въ немъ одиннадцать. 11) Переяславскій, подъ начальствомъ Федора Лободы, на лѣвой сторонѣ вдоль Днѣпра, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: переяславскомъ, остерскомъ, и южной половинѣ козелецкаго. Всѣхъ

тецъ. Ковальскій, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубскій) оставлено было прежнее магдебургское право для мѣщанъ, съ общиннымъ самоуправленіемъ и самосудомъ, съ раздѣленіемъ ремесленниковъ по ихъ занятіямъ на цехи, съ предоставленіемъ цехамъ права имѣть свои гербы и печати.

Все остальное народонаселеніе, подѣ именемъ «инопочельства», должно было поступить снова подѣ власть пановъ. Въ этомъ была вопіющая несправедливость. Все народонаселеніе было призвано къ борьбѣ за общую свободу; всѣ равно участвовали въ этой борьбѣ; а теперь оказалось, что они боролись и проливали кровь только для какихъ-нибудь сорока тысячъ избранныхъ, сами же должны были поступать въ прежнюю неволю. По окончаніи реестрованія, Хмельницкій дозволялъ владѣльцамъ возвращаться въ свои имѣнія, и приказывать всѣмъ, не вошедшимъ въ реестръ, повиноваться господамъ подѣ опасеніемъ смертной казни. Въмѣстѣ съ этимъ и король издалъ универсалъ ко всѣмъ жителямъ Украины, въ которомъ извѣщалъ, что, въ случаѣ бунтовъ, хлопотъ противъ владѣльцевъ, королевское войско вмѣстѣ съ запорожскимъ будетъ укрощать ихъ. Какъ только объ этомъ услышали народъ, вспыхнуло всеобщее волненіе.

Сотенъ было восемнадцать: полковой городъ былъ Черкасскъ. 12) Прилуцкій, подѣ начальствомъ Тимофея Посада, въ пышынѣмъ прилукомъ, уѣздѣ, захватывалъ небольшую часть нѣжинскаго. Въ немъ было девятнадцать сотенъ. 13) Миргородскій, подѣ начальствомъ Матвія Гладкаго, въ пышынѣмъ уѣздахъ: миргородекомъ, восточной части лубенскаго, въ лохвицкомъ, роменскомъ, хорольскомъ. Въ немъ было шестнадцать сотенъ. 14) Полтавскій, подѣ начальствомъ Мартына Пушкаренка, въ пышынѣмъ уѣздахъ: полтавскомъ, гадячскомъ, зеньковскомъ, и кобеляцкомъ. Въ немъ считалось семнадцать сотенъ. 15) Нѣжинскій, подѣ начальствомъ Прокона Шумейки, въ пышынѣмъ уѣздахъ: нѣжинскомъ и козелецкомъ. Всѣхъ сотенъ было въ немъ девять. 16) Черниговскій, подѣ начальствомъ Мартына Пешабы, въ уѣздахъ: черниговскомъ, борзненскомъ, соснинскомъ, конотопскомъ. Сотенъ было шесть.

Въ пышынѣмъ же черниговской губерніи, въ уѣздахъ: стародубскомъ, мглинскомъ, городищенскомъ, новгородъ-сѣверскомъ, глуховскомъ, суражскомъ, козаковъ тогда не было. Эта часть южно-русской земли обращена въ козачество уже послѣ Хмельницкаго.

«Какъ! — кричать народъ. — Гдѣ обѣщаніе гетмана? Развѣ мы не все были козаками!» Владѣльцы, едва вступившіе въ свои владѣнія, должны были снова бѣжать изъ нихъ, а ширмъ пришлось заплатить жизнью. Бѣглецы столпились въ Кіевѣ подѣ покровительствомъ Адама Киселя, сдѣланнаго кіевскимъ воеводою, и чуть не пропадали съ голода, достигнуаго ужасающихъ размѣровъ. Богатые пань стали прѣзирать въ свои имѣнія съ командами, отыскивать зачинщиковъ прескняго мятежа и казнить ихъ. Гдѣ только пань чувствовали силу, тамъ поступали жестоко съ непокорными хлопамъ: отрѣзывали имъ уши, вырывали ноздри, выкалывали глаза и т. п. Хмельницкій, по жалобѣ владѣльцевъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ непослушныхъ. Хлопы съ своей стороны, гдѣ только было возможно, жгли панскія усадьбы, убивали и мучили владѣльцевъ. Жители береговъ Буга и Днѣстра отличались передъ всеми буйствомъ и отвагою¹⁾.

Сами реестровые козаки недовольны были исключительностью своихъ привилегій. Когда Хмельницкій, въ первыхъ числахъ марта 1650 года, собралъ въ Переяславѣ козаковъ на генеральную раду для утвержденія реестра, то, по собственнымъ его словамъ, претерпѣвалъ большія затрудненія.

Послѣ этой рады, Хмельницкій отправился въ Кіевъ для совѣта съ Киселемъ, и готовился у него обѣдать въ замкѣ, какъ вдругъ вооруженная толпа полковъ бросилась съ яростными криками на замокъ и кричала, что пора расправиться съ Киселемъ. Хмельницкій безстрашно вышелъ къ народу, бѣлся, что за Киселемъ нѣтъ никакой вѣнны, и обѣщавъ не пу-
 скать пановъ въ ихъ имѣнія. Толпа на этотъ разъ послушалась, но Хмельницкій послѣ того говорилъ Киселю такъ: «Пань поддѣли меня; по ихъ просьбѣ я согласился на такой договоръ, какого не могу исполнить ни-»

¹⁾ По извѣстіямъ малороссійской лѣтописи, бранавейскій полковникъ Печай отличался смѣлостью и заступился за народъ. «Развѣ ты ослѣпъ, — говорилъ онъ гетману, — не видишь, что дѣхи обманываютъ тебя и хотятъ поссорить съ вѣрными народомъ?»

какимъ образомъ. Сами посудите: сорокъ тысячъ козакъ, — а съ остальнымъ народомъ что я буду дѣлать? Они меня убьютъ, а на поляковъ все-таки подымутся». Уступая народному волненію: Хмельницкій позволялъ идти въ козакъ всякому, подѣ тѣмъ предлагомъ, что, кромѣ реестровыхъ, могутъ быть еще охочіе козакъ, а между тѣмъ, отправить посольство къ королю: напоминая, что слѣдуетъ уничтожить унию, и просить, чтобы панъ являлся къ своимъ украинскія помѣстья не иначе, какъ безъ военныхъ командъ.

Землевлдѣльцы, которые были побѣдны дѣлаи, покорились судьбѣ. Хлопы собирались на сходки и разсуждали, какъ имъ жить съ панамъ. Въ Немировѣ, на подобной сходкѣ, какой-то атаманъ Куйка подѣ татой совѣтъ: «Дадимъ своему пану плугъ¹⁾, да 4 мѣры солода. Довольно съ него, лишь бы не умеръ съ голоду!» Въ другихъ мѣстахъ хлопы уговаривались давать панамъ «поклоны» по большимъ праздникамъ и отказывались отъ всякой барщины. Самые богатые паны не получали ни гроша съ огромныхъ имѣній. Шляхтичи принялись сами за посевныя работы. «Не было деревни, — говоритъ современный польскій историкъ-стихотворецъ Твардовскій, — гдѣ бы бѣдный шляхтичъ могъ зѣвнуть свободно. Чуть мало кто погорячился — тотчасъ бунтъ, а сорокъ тысячъ реестровыхъ, словно горохъ изъ мѣшкѣ, разсыпавшись по Украинѣ, производили страшный для насъ шорохъ».

Гетману очень хотѣлось затянуть Московское Государство въ войну съ Польшею. Послѣ Зборовскаго договора, онъ былъ огорченъ отказомъ царя помочь ему. Когда прѣхалъ къ нему гонецъ толковать о пограничныхъ дѣлахъ, Хмельницкій, по своему обычаю, стржаный въ трестомъ видѣ и окровавленный въ пьяномъ, бывши тогда на-веселѣ, произнесъ ему такіа рѣчи:

«Что вы мнѣ про дубѣ и про насѣки толкуете? Вотъ я пойду, изломаю Москву и все Московское Государство; да и тотъ, кто у васъ на Москвѣ сидитъ, отъ

²⁾ Плугъ воловъ у малороссіянъ — три пары воловъ.

меня не отендятся; зачѣмъ не дать онѣ намъ помощи на поляковъ ратными людьми?»

Козаки говорили великорусскимъ гонцамъ такъ:

«Мы поидемъ на васъ съ крымцами. Будетъ у насъ съ вами, москали, боольшая война за то, что намъ отъ васъ на поляковъ помощи не было».

Московское правительство поняло, что если оно не будетъ за-одно съ Хмельницкимъ, то наживетъ себѣ въ Хмельницкомъ врага, и начало, по выраженію того времени, «задирать Польшу». Въ іюлѣ 1650 года пріѣхалъ въ Варшаву посломъ Гаврило Пушквинъ съ жалобою на то, что, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ бумагахъ не точно были написанъ царскій титулъ, а, во-вторыхъ, на то, что въ Польшѣ печатались «безчестныя книги», въ которыхъ съ неуваженіемъ отзывались о царѣ и московскомъ народѣ. Такъ, напримѣръ, между прочимъ, въ латинской исторіи Владислава IV, написанной Вассенбергомъ, было сказано: «Москвитяне только по одному имени христіане, а по дѣламъ и обычаямъ хуже всякихъ варваровъ; мы ихъ часто одолевали, побивали и лучшую часть ихъ земли покорили своей власти». Московскій посолъ требовалъ, чтобы всѣ «безчестныя книги» были собраны и сожжены; чтобы не только слагатели ихъ, но и содержатели типографій, гдѣ онѣ были напечатаны, наборщики и печатальщики и самые владѣльцы имѣній, гдѣ находятся типографіи, были казнены смертію. «Изъ такихъ требованій, — сказали сенаторы послу, — мы видимъ, что сго царское величество ищетъ предлога къ войнѣ: нѣсколько строкъ, которыми погрѣшили литераторы, не даютъ повода къ разрыву мира. Стоитъ ли изъ-за того проливать кровь?»

Московское посольство настаивало на своемъ. Нѣсколько книгъ было сожжено въ ихъ присутствіи: но это ихъ не удовлетворило. Они уѣхали, сказавши послѣднее слово, что только наказаніе слагателей «безчестныхъ книгъ» и людей, писавшихъ царскій титулъ съ пропусками, можетъ отклонить Польшу отъ разрыва съ Московскимъ Государствомъ.

Хмельницкій, между тѣмъ, сдружившись съ крымскимъ ханомъ, отправилъ козаковъ съ татарами на Мол-

давно мститъ молдавскому господарю Василию Жулу за то, что послѣдній не хотѣлъ исполнить своего обѣщанія отдать дочь свою за сына Хмельницкаго. Козаки и татары навели такой страхъ на молдавскаго господара, что онъ просилъ мира и союза. Во время этого похода коронный гетманъ, Потоцкій, воротившись изъ крымскаго плѣна, расположился на Подолѣ. Онъ не рыпаясь помогать молдавскому господарю, но занимался укрѣпленіемъ подольскихъ хлопотъ, которые образовали тогда шайки подъ названіемъ «левенцовъ», и открыто вступилъ въ войну съ коронными жолнѣрами. Польскій отрядъ подъ начальствомъ Кондратскаго разбилъ ихъ и привелъ къ Потоцкому главнаго ихъ предводителя Мудренка съ двадцатью другими атаманами. Потоцкій приказалъ ихъ изуродовать и распустить, чтобы они наводили страхъ на всякаго, кто не захочетъ повиноваться панямъ. Этихъ изуродованныхъ привезли къ Хмельницкому. Хмельницкій отправилъ къ Потоцкому полковника Кравченка.

— Или ты еще не нанялся крови нашей, панъ гетманъ, — сказалъ Потоцкому Кравченко. — Зачѣмъ нарушаешь договоръ? Зачѣмъ переходишь за черту на козацкую землю, когда не слышно непріятеля?

— Земля никогда не была козацкою! — гнѣвно закричалъ Потоцкій, схватившись даже за саблю. — Земля принадлежитъ Рѣчи Посполитой. Имѣю право стоять и на чертѣ, и за чертою.

— Рѣчь Посполитая, — сказалъ Кравченко, — можетъ пожить на козаковъ: мы защищаемъ отечество.

— Какіе вы защитники, — сказалъ Потоцкій, — когда вы дѣлаете насиліе шляхетству и вынуждаете владѣльцевъ бѣжать изъ своихъ имѣній?

— А за чѣмъ паны мучать и утѣсняютъ народъ? — сказалъ Кравченко. — Владѣльцы должны ласково и кротко обращаться съ поселенцами, потому что они, хотя и подданные паны, а въ ярмо шен класть не станутъ.

Послѣ этого круннаго разговора, коронный гетманъ Потоцкій доносилъ королю, что Хмельницкій обманываетъ поляковъ и полякамъ остается напасть на Хмельницкаго и уничтожить козачество.

Предвидя, что война неизбежна, Хмельницкій началъ готовить себѣ союзниковъ: сносятся съ Турціею, съ сѣмьградскимъ княземъ Ракочи, убѣждать ихъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ Польши, наконецъ, завелъ сношенія и съ Швеціей.

Эти сношенія сдѣлались извѣстны въ Варшавѣ. Король въ концѣ 1650 года издалъ универсалъ для предвѣстительныхъ сеймиковъ; король извѣщалъ въ немъ все польское шляхетство, что Хмельницкій строитъ козни противъ Рѣчи Посполитой, что въ Украинѣ чернь неистовствуетъ противъ шляхетства, что на будущую весну надобно ожидать войны съ козаками.

Въ декабрѣ собрался сеймъ. Хмельницкій прислалъ на него депутатовъ: Маркевича, Гурскаго и Дорошенка. Они привезли требованіе: во-первыхъ, уничтожить унию; во-вторыхъ, чтобы знатнѣйшіе чины Польскаго государства утвердили присягою Зборовскій договоръ; въ-третьихъ, чтобы четыре знатнѣйшихъ пана: Вишневецкій, Конецпольскій, Любомирскій и коронный обозный Калиновскій, оставались заложниками мира и жили въ своихъ украинскыхъ имѣніяхъ безъ дворни и ассистенціи; въ-четвертыхъ, чтобы русскій народъ не терпѣлъ никакихъ стѣсненій отъ пановъ духовныхъ и свѣтскихъ.

Это требованіе произвело чрезвычайное волненіе какъ въ сенатѣ, такъ и между послани. Адамъ Кисель сталъ было доказывать, что поляки дѣйствительно обязаны уничтожить унию, представляя, что тогда и сами православные будутъ поддерживать Рѣчу Посполитую. Но заявленіе Киселя еще сильнѣе изволновало поляковъ. Они закричали: «какъ козелъ не станетъ бараномъ, такъ и схизматикъ не будетъ искреннимъ защитникомъ католиковъ и шляхетскихъ вѣностей, будучи одной вѣры съ бунтовщиками хлопами. Какъ! для схизматиковъ, для блужаго хлопства не позволять шляхтѣ вѣрить, какъ повелѣваетъ Духъ святой, а пусть вѣрять, — какъ предписываетъ пьяная, сумасшедшая голова Хмельницкаго! Вотъ какой проявился докторъ чертовской академіи, хлопь, недавно вынужденный на волю! Хочетъ отнять у поляковъ вѣру святую! Имъ не пра-

вится слово «унія», а намъ не нравится слово «схизма». Пусть отречутся отъ своего безумнаго схизматическаго ученія. Пусть соединятся съ западною церковью и назовутся православными!»

Таковъ былъ голосъ всей католической или хетской Польши того времени. Домогательство русскихъ уничтожить унію затронуло религіозную струну польскаго сердца. 24 декабря война была рѣшена единогласно. Положили собрать посланное рушеніе и сдѣлать временный налогъ для платы регулярному войску.

Тѣмъ же менѣе козацкіе депутаты получили шляхетской достоинство.

Непріязненные дѣйствія начались въ февралѣ 1654 года, неудачныя для козаковъ¹⁾.

Между тѣмъ, вся Польша вооружилась. Пянский легатъ привезъ королю первосвященническое благословеніе, мантию и освященный мечъ, а король — золотую розу. Этимъ не довольны были король, потому что папа не прислалъ ему денегъ, которыхъ онъ просилъ: но когда король обнародовалъ, что святой отецъ благословляетъ отправлявшихся на брань и посылаетъ отпущеніе грѣховъ, то это сильно воодушевило поляковъ. Король назначилъ сборное мѣсто подь Сокаломъ и прибылъ туда въ маѣ.

У козаковъ было также религіозное возбужденіе. Приѣхалъ къ нимъ изъ Гренці коринѣскій митрополитъ Іоасафъ. Онъ преподаетъ Хмельницкаго мечомъ, который былъ освященъ на самомъ гробѣ Господнемъ. Самъ константинопольскій патріархъ прислалъ Хмельницкому грамоту, въ которой одобрялъ войну, предпринятую противъ враговъ православія. Но войска въ этомъ году у Хмельницкаго было меньше, чѣмъ прежде. За нимъ

¹⁾ Коронный обозный, гетманъ Калиновскій въ мѣстечкѣ Красномъ внезапно на полковника Данила Печая и разбилъ его. Самъ Печай погибъ въ битвѣ. Велѣвъ затѣмъ Калиновскій разорилъ несколько подольскихъ городовъ, но самъ потерпѣвъ неудачу подь Винницею противъ полковника Богуня, который приказалъ сдѣлать на лѣду рѣки Буга проруби и покрыть ихъ соломою. Поляки брошены на лѣдъ и во множествѣ потонули.

уже меньше было той нравственной силы, какую онъ прежде имѣлъ въ глазахъ народа; хлопны стали не довѣрять ему за потачку панамъ, за казнь мятежниковъ. Сюзъ съ татарами не по душѣ былъ народу, потому что эти союзники, вступая въ русскую землю подъ видомъ дружбы, вводили въ плѣны женщинъ и дѣтей. Многіе простовые казаки, пользуясь своими правами, охотнѣе бы хотѣли идти на турокъ. Находились даже такіе, хотя въ небольшомъ количествѣ, которые предлагали свои услуги полякамъ. Притомъ Хмельницкій имѣлъ поводъ опасаться вторженія литовскаго войска и долженъ былъ оставить часть войска на сѣверной границѣ, чѣмъ развлекать свои силы.

Хмельницкій долго дожидался хана и далъ время своимъ непріятелямъ собраться. Двинувшись на Волынь, онъ стоялъ подъ Збаражемъ, не отваживаясь одинъ нападать на короля; а между тѣмъ въ его станѣ распространились повальныя болѣзни, такъ что казаки въ одно время вывели изъ своего стада двѣсти шестьдесятъ возовъ съ больными и умершими.

Простоявши нѣсколько недѣль подъ Сокалоу, поляки перенесли свой станъ на рѣку Стырь и избрали обширное поле подъ Берестечкомъ. Хмельницкій, все еще ожидая хана, увидѣвъ удобное время напасть на непріятеля, когда поляки проходили по болотистымъ мѣстамъ и переправлялись черезъ рѣку Стырь. Исламъ-Гирей прибылъ, наконецъ, со своей ордой, но на этотъ разъ крымскій ханъ шелъ на войну поневолѣ и только по приказанію турецкаго султана. Ему невыгодно было нарушать Зборовскій договоръ: ему хотѣлось, напротивъ, идти войною на Москву, съ которою Хмельницкій, изъ досады его, дружилъ. Между татарскими бѣями были враги, недоброжелатели Хмельницкаго¹⁾. 19 іюня (29 нов. стила) появились казаки и татары въ виду польскаго войска, 20 іюня, въ два часа пополудни, началось сраженіе; и вдругъ ханъ стремительно бросился въ бѣгство; за

¹⁾ Прежде своего соединенія съ Хмельницкимъ Исламъ-Гирей посылалъ къ польскому королю тайное посольство; неизвѣстно содержаніе его; впоследствии подозрѣвали, что тогда дано было обѣщаніе измѣнить козакамъ.

нимъ побѣждали все его мурзы и бен. Это бѣгство до того поразило всехъ татаръ, что они, не будучи никѣмъ преслѣдуемы, побросали въ безпамятствѣ свои арбы съ женами и дѣтьми, больныхъ и даже мертвыхъ, въ противность алкорану, запрещавшему оставлять правобѣрныхъ безъ погребеній. Хмельницкій поручилъ начальство полковнику Джеджкалыку, а самъ погнался за ханомъ, думая остановить его. Ханъ, остановившись въ трехъ верстахъ отъ поля битвы, сказалъ Хмельницкому: «На пашъ на всехъ страхъ напалъ. Татары битвы не сдѣлать. Останься со мной, подумаемъ. Завтра я пошлю своихъ людей помогать козакамъ». Но вмѣсто того, на другой день онъ двинулся къ Виннице и позанять за собою Хмельницкаго. Писарь Выговскій похалъ просить хана освободить Хмельницкаго; ханъ и его задержалъ. Такимъ образомъ, гетманъ съ писаремъ очутились въ плѣну у хана.

Поляки заняли все поле, гдѣ стояли татары; и начали тѣснить козаковъ. Джеджкалыкъ храбро отбивалъ натиски и отступилъ къ рѣкѣ Пляшовой. Здѣсь козаки сбили свои возы въ четвертый угольникъ: съ трехъ сторонъ сдѣлали окопы, а съ четвертой болото зашило ихъ лагерь. Десять дней выдерживали они непримиримую пальбу, вступали съ поляками въ переговоры, но соглашались мириться съ ними не иначе, какъ только на условіяхъ Зборовскаго договора. Поляки зная этого не хотѣли, требовали совершенной покорности. Между тѣмъ, въ рускомъ станѣ началась безурядица и смятеніе. Начальство перешло отъ Джеджкалыка къ полковнику Богуну. Между хлопамъ на сходахъ стали ходить такіа рѣчи: татары разорять край пашъ; выдадимъ королю старшину и будемъ свободны. Богунъ, услышавъ эти толки, составилъ планъ устроить наскоро плотину и уйти съ козаками. Ночью съ 28 на 29 іюня козаки свозили на бѣгство возы, козлухи, шатры, кантуши, мѣшечки, сѣдла, устроили три плотины и стали уходить отрядами однихъ за другими, незамѣтно ни для поляковъ, ни для толпы хлоповъ въ своемъ станѣ. Утромъ, 29 іюня, когда русскіе стали завтракать, вдругъ что-то закричало: бѣгутъ, все полковники ушли! По всей массѣ пробѣгало.

впавший страхъ: всё бросились вразсыпную; плотины не выдержали, и люди начали тонуть. Хлоны метались въ разные стороны и впопыхахъ стремглавъ бросались въ рѣку. Поляки долго не понимали въ чемъ дѣло, и только спустя нѣсколько времени бросились въ козакскій лагерь и стали добивать бѣгущихъ. Митрополитъ Іоасафъ удерживалъ бѣгущихъ и былъ убитъ какимъ-то польскимъ шляхтичемъ. Королю принесли его облаченіе и освященный мечъ.

Послѣ разгрома козацкаго лагеря, король распустилъ посполитое рушеніе и уѣхалъ въ столицу, а регулярное (иначе кварцаное) войско двинулось въ Украину уничтожить козачество, какъ поляки надѣялись.

Ханъ продержалъ Хмельницкаго до конца іюля подѣ Винницею и отпустилъ, вѣроятно взявши съ него деньги въ видѣ окуна, какъ сообщаютъ о томъ польскіе историки. Хмельницкій, по своему оробожденію, поѣхалъ прямо въ Украину и, приближивъ въ мѣстечко Пароволокъ, три дня и три ночи нѣлъ, безъ просыну. Тутъ, начали сходить къ нему полковники съ остатками разстрѣпанныхъ своихъ полковъ. Но никогда не показывалъ Хмельницкій такого присутствія духа, такого мужества, неутомимой дѣятельности и силы воли, какъ въ это ужасное время. Народъ волновался, обвинялъ его. Въ народѣ было много недовольныхъ за прежнюю потаку пацамъ; сердились на него и за союзъ съ татарами, которые разорали край. Въ разныхъ мѣстахъ были мятежныя сходбища, на которыхъ ѣздили выбирать иного гетмана. Хмельницкій на Масловомъ-бродѣ явился предѣ народнымъ сборищемъ, успокоилъ толпу, увѣрялъ ее, что не все еще потеряно, что дѣла поправятся; собирать, одушевлять народъ, пополнять полки, сносился снова съ ханомъ, который опять обѣщалъ Украинѣ помощь. Въ то же время Хмельницкій продолжалъ, сноситься съ московскимъ правительствомъ: къ нему безпрестанно ѣздили разные подьячіе и дѣти боярскія: всёмъ онъ говорилъ одно и то же о желаніи своего поступить подѣ высокую руку православнаго государя. Но разомъ онъ и угрожалъ Москвѣ, говори, что если царь не приметъ его подѣ свою руку, то козаки, понево-

лкѣ, пойдутъ съ поляками и крымцами на Московское Государство. Въ минуту, когда гетманъ, любившій выжить, быть на-веселѣ, онъ говорилъ рѣзко: «я къ москалямъ съ искренимымъ сердцемъ, а они на то мною насмѣваются. Пойду и разорю Москву, хуже Польши!» Въ эти дни, къ удивленію поляковъ, Хмельницкій вновь женился; третья жена его была Анна Золотаренко; братъ ея сѣбѣланъ былъ пѣжинскимъ полковникомъ¹⁾.

Народъ южно-русскій, несмотря на понесенный ударъ и на новыя усилія враговъ покорить его, казался готовымъ лучше погибнуть, чѣмъ поступить въ рабство. Козацкіе полки быстро наполнялись новыми охотниками; жители поголовно вооружались за недостаткомъ оружія, косами и ножами.

Польское войско вступило въ Украину и встрѣтило сильное единодушное сопротивленіе. Жители истребляли запасы, жгли собственные дома, безпрестанно нападали на поляковъ отдѣльными шайками, отнимали у нихъ воны, лошадей, портили дороги, ломали мосты. Польское войско стало терять недостатокъ продовольствія. Лишившись въ Наролѣхъ скоропостижно умершаго лучшаго изъ польскихъ военачальниковъ, Іереміи Вишневецкаго, поляки 13 августа пришли къ мѣстечку Трипшсы. Козаки засѣли тамъ подъ начальствомъ храбраго сотника Александренка, вмѣстѣ съ жителями мѣстечка, защищаясь до послѣдняго и все погибли: женщины дрались на ряду съ мужчинами, и одна женщина убила косою полковника Штрауса. Поляки, за это сопротивленіе, пришли въ такое нестерпѣе, что, разбѣявшись по окрестнымъ хуторамъ, истребляли всѣхъ русскихъ, не щадя даже грудныхъ младенцевъ. Зато съ своей стороны, русскіе съ особеннымъ злѣствомъ мучили попавшихъ къ нимъ поляковъ и служившихъ въ польскомъ войскѣ пѣмцевъ. Приведя пѣмщиковъ куда-нибудь въ

¹⁾ По однимъ повѣстіямъ, вторая жена была убита его сыномъ Тимошеемъ, по другимъ — казнена имъ самимъ за преступную связь съ часовымъ мастеромъ, приставленнымъ къ нему въ 1648 г. подъ Львовомъ, бывшимъ потомъ его домовымъ вѣднцемъ и обкрадывавшимъ гетмана. По третьимъ, онъ узнавъ о ея смерти въ маѣ 1651 г. и тосковалъ.

лѣтъ или въ удѣлѣ, они сначала, для поруганія, угощали ихъ виномъ и медомъ, вели съ ними пріятельскую бесѣду, а потомъ прокалывали ихъ рожнями, сдирали съ живыхъ кожи и тому подобное.

Съ сѣверной стороны нахлынула на Украину другая военная сила: предводитель литовскаго войска Радзивиллъ послалъ отрядъ противъ Черниговскаго полка, которому Хмельницкій поручилъ беречь границу. По причинѣ оплошности черниговскаго полковника Небабы, казаки потерпѣли поражение. Радзивиллъ занялъ Черниговъ, а потомъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, поспешилъ къ Кіеву. Кіевскій полковникъ Ждановичъ вышелъ изъ города въ надеждѣ напасть на литовцевъ, когда послѣдніе будутъ находиться въ Кіевѣ. Городъ былъ занятъ литовцами 6 августа; казаки съ двухъ сторонъ: съ хопутемъ отъ Лыбеди и на судахъ по Днѣпру, стали приближаться къ городу. Тутъ кіевскіе мѣщане сами зажгли городъ, чтобы произвести въ литовскомъ войскѣ замѣшательство и тѣмъ пособить нападающимъ на него козакамъ. Но корсунскій полковникъ Мозыра не послушался Ждановича, началъ давать не вѣру огнемъ сигналы плывшимъ по Днѣпру и тѣмъ испортилъ планъ Ждановича. Литовцы не могли быть застигнутыми врасплохъ и отбили нападеніе. Кіевъ сильно пострадалъ отъ пожара. Послѣ этого Радзивиллъ спешилъ съ Потоцкимъ, и оба войска, по состоявшемуся между нихъ предводителами договору, съ двухъ противоположныхъ концовъ, въ концѣ августа сошлись подъ Вѣлюю-Церквою, близъ которой находился Хмельницкій съ своимъ войскомъ.

Хмельницкій предложилъ миръ. Положеніе козаковъ было печально. Но поляки съ одной стороны видѣли отчаяніе русскаго народа, способнаго вести борьбу на жизнь и на смерть; съ другой — затруднялись добывать продовольствіе. Поэтому, польскіе предводители согласились мириться и выслали для переговоровъ съ гетманомъ и старшиною комисаромъ Адама Киселя съ товарищами въ бѣлоцерковскій замокъ.

Народъ узналъ, что идетъ дѣло о сокращеніи козачества и о суженіи границъ козацкой земли. Толпа собралась подъ замкомъ. Раздались яростные крики: «ты.

гетманъ, ведешь трактаты съ ляхами и насъ покидаешь, себя самого и старшину спасаешь, а насъ знать не хочешь, отдаешь насъ подъ палки, батоги, на колы да на висѣлицы! Ибѣтъ, прежде тѣмъ, до этого дойдеть, — и мы положимъ голову, и ни одинъ ляхъ отсюда живымъ не уидеть!» Они хотѣли схватить и убить комисаровъ. Хмельницкій не устранился, вышелъ къ толпѣ, которая грозилъ ему саблями и дубинами, уговаривалъ ее, представлялъ, что пословъ трогать нельзя и, наконецъ, собственноручно положилъ своей булавою нѣсколько смѣльчаковъ, выдвинувшихся впередъ¹⁾.

Рѣшительность Хмельницкаго и вліяніе, которымъ онъ все еще пользовался, несмотря на разладъ съ народными требованіями, удержали на время народъ отъ дѣйствительнаго варыва. Переговоры тянулись не одинъ день. Хмельницкій посылалъ то одно, то другое добавленіе; между тѣмъ, казаки дѣлали нападеніе на польское войско: гетманъ отговаривался, что это происходитъ не по его желанію. Хмельницкому опасность угрожала съ обѣихъ сторонъ. Онъ не рѣшался вступить въ рѣшительную отчаянную битву, не надѣясь выиграть победы; не рѣшался и заключить миръ, потому что народная толпа, по видимому, готова была растерзать его за это. Такъ прошло время до 16-го сентября. Въ это время появилось морское повѣствіе, какъ въ польскомъ, такъ и въ козацкомъ войскахъ. Обстоятельство это ускорило заключеніе мира. По договору, называемому въ исторіи, отъ имени его, составленія, Бѣлоцерковскимъ, у Хмельницкаго, вмѣсто трехъ воеводствъ въ предѣлахъ козацкой черты, осталось одно кіевское воеводство, и, въ силу этого суженія границъ, число реестроваго войска было уменьшено до двадцати тысячъ. Шляхетство вступило въ свои владѣнія съ прежнимъ правомъ; жиды тоже могли жить вездѣ.

По окончаніи договора, Хмельницкій посѣтилъ своихъ побѣдителей и, по сознанію самихъ польскихъ исто-

¹⁾ Кнесьль, ѣдучи съ товарищами черезъ рѣку русскаго полковника, кричалъ: — Друзья мои, мы не ляхи: я русскій, мои кости такія же русскія, какъ и ваши! — «Твои русскія кости обросли польскимъ мясомъ!» — отвѣчали ему казаки.

риковъ, его хотѣли было отравить, но онъ догадался, не имѣть предложеннаго вина и ускокать въ свой станъ.

Само собою разумѣется, что такой мнръ не могъ продолжаться долго. Жители Южной Руси, не желая быть въ порабощеніи у пашовъ, во множествѣ бѣжали въ Московское Государство на слободы. Уже въ прежніе годы совершались такіа переселенія и появились слободы около Рыльска, Путивля, Бѣлгорода. Въ этотъ годъ переселеніе произошло въ несравненно большемъ размѣрѣ. Первый примѣръ показали волынцы. Козаки возникшаго было Острожскаго полка, подъ предводительствомъ Ивана Дзизиковскаго, основали, съ царскаго дозволенія, на берегу рѣки Тихой Сосны, Острожскъ и перенесли съ собою все козацкое устройство. Такимъ образомъ явился первый слободскій полкъ. За нимъ малоруссы начали переселяться въ огромномъ количествѣ въ привольныя южныя степи Московскаго Государства, съ береговъ Днѣпра, Буга и другихъ мѣстъ. Они сожигали свои хаты и гумна, чтобъ не доставались врагамъ, складывали на возы свои пожитки и отправлялись огромными ватагами искать новой Украины, гдѣ бы не было ни ляховъ, ни жидовъ. Оряды польскаго войска заступали имъ дорогу; украинцы пробивались съ ружьями и даже пистолетами на новое жителство. Тогда менѣе, чѣмъ въ полтора, проявилось въ пограничныхъ областяхъ многія малорусскія слободы, изъ которыхъ нѣкоторыя дали начало значительнымъ городамъ; такъ основаны были: Сумы, Короча, Бѣлополье, Ахтырка, Лебединъ, Харьковъ и другіе. Поселенцы выбирали мѣста, по возможности, безопасныя, и потому болѣею частью рѣлиз болотъ, мѣшавшихъ татарскимъ внезапнымъ нападеньямъ.

По окончаніи реестрованія, литовское войско пошло въ черниговское воеводство, а часть короннаго пришла на лѣвый берегъ Днѣпра съ тѣмъ, чтобы не пропускать переселенцевъ въ Московское Государство. Самъ Хмельницкій своимъ универсаломъ запрещалъ народу дальнѣйшія выселенія и строго приказывалъ повиноваться панамъ.

По русскій народъ не думалъ повиноваться панамъ. Весною 1652 года вся Украина была уже въ огнѣ.

Но Бугу и Днѣстру жители бросали свои жилища, скрывались въ ущельяхъ и лѣсахъ, составляли найки, нападали на поляковъ. На правой сторонѣ русскій пѣхонецъ Хмелецкій собиралъ и возбуждалъ недовольныхъ, какъ противъ поляковъ, такъ и противъ своего гетмана. На лѣвой — составлялъ ополченіе бывшій корсунскій полковникъ Мозыра, смѣненный Хмельницкимъ. Въ Миргородскомъ полку полковникъ Гладкій присталъ къ народному заговору противъ разставленныхъ польскихъ жолѣровъ, и въ день Свѣтлаго Воскресенія всѣ они были перебиты. Такую же рѣзню произвели надъ литвинами около Мѣлина и Стародуба. Около Лубенъ мятежные хлопцы признавали съ гетманства Хмельницкаго и выбрали какого-то Бугая своимъ предводителемъ.

Хмельницкій не былъ безопасенъ въ собственномъ Чигиринѣ. Пришедшая въ отчаяніе народная громада готова была нагнать на него и убить. Гетмана повсюду стали называть измѣнникомъ, продавшимъ дѣламы Украинну. Въ такомъ положеніи Хмельницкій доводить записываться въ реестръ болѣе опредѣленнаго числа. Польскій военачальникъ Калиновскій упрекалъ его за это. Хмельницкій объяснялъ, что сдѣлать это распоряженіе для пользы самихъ поляковъ, потому что иначе усмирить народъ невозможно.

По требованію короля, Хмельницкій, однако, подписать смертный приговоръ Гладкому, Хмелецкому и Мозырѣ; имъ отрубили головы. Кромѣ этихъ жертвъ, было совершено еще нѣсколько смертныхъ казней. Но скоро послѣ того обстоятельства повернулось такъ, что Хмельницкій снова сталъ за-одно съ народомъ.

Молдавскій господарь Василій Лудуль обѣщалъ въ 1650 году дочь свою Домну Локсандру въ жены Тимошею Хмельницкому, но, извиняясь молодостью невесты, просилъ стеречку на годъ. Потомъ онъ не только не хотѣлъ исполнить даннаго обѣщанія, а еще и тайно вредилъ Хмельницкому во время второй войны послѣдняго съ поляками. Въ 1652 году Хмельницкій напомнилъ господарю его обѣщаніе и выслалъ своего сына съ козаками къ границамъ Молдавіи, давая знать этимъ, что если го-

снодарь не захочеть исполнить данного слова добровольно, то принужденъ будетъ исполнить его по повелѣнью.

По увѣренію польскихъ историковъ, Дунуль, навѣстивъ объ угрожающемъ ему насиліи предводителя польскаго войска Калиновскаго, а Калиновскій, расположившій свое войско надъ рѣкою Бугомъ, вздумалъ преслѣдовать сына Хмельницкаго, идущему въ Молдавію.

Гетманъ Хмельницкій предупредилъ Калиновскаго письмомъ, просилъ не трогать Тимоѣя и отступить съ дороги, такъ какъ Тимоѣй идетъ себѣ жениться и не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ поляковъ, — иначе не ручался, чтобы козаки, которыхъ онъ называетъ свадебными боярами, не завели ссоры, и вышло бы нарушение мира. Но Калиновскій, на зло Хмельницкому, нарочно поступилъ противъ его предостереженія и самъ напалъ на Тимоѣя Хмельницкаго, который шелъ не только съ сильнымъ козацкимъ отрядомъ, но еще и въ сопровожденіи татарскаго Карача-мурзы съ его ордою. Во время нападенія русскіе хлопья бывшіе на работѣ въ польскомъ обозѣ, умышленно зажегли сѣно, распространили пожаръ... Козаки и татары стѣснены поляками и совершили разбѣги. Калиновскій напалъ въ битвѣ. Поляки бѣжали во все стороны, козаки и окрестные хлопья гонялись за ними, не слушали никакихъ молій о пощадѣ и безъ состраданія убивали, приговаривая: «вотъ вамъ за унию, вотъ вамъ за Берестечко, вотъ вамъ за ваши поборы!» и т. п. Все польское войско въ числѣ двадцати тысячъ погибло въ этой знаменитой битвѣ, прозванной, по урочищу, гдѣ она происходила, Батоговой. Ударъ, нанесенный Польшѣ, былъ не легче корсунскаго. Тимоѣй Хмельницкій благополучно достигъ предѣловъ Молдавіи, по просьбѣ государя оставилъ свое войско на границѣ, самъ пріѣхалъ въ Яссы и сочетался бракомъ съ молдавскою принцессою.

Такимъ образомъ, недавно заключенный миръ, тяжелый для Хмельницкаго, былъ нарушенъ самими поляками. Жолѣбры, стоявшіе въ другихъ мѣстахъ, были немедленно изгнаны.

Хмельницкій извѣстилъ короля о случившемся полъ Батогомъ, доказывая, что виною всему Калинов-

скій, а о своихъ козакахъ выразился такъ: «простите ихъ, ваше величество, если они, какъ люди веселые, далеко простерли свою дерзость». Въ Польгѣ это приняли за насмѣшку.

Польша не имѣла войска и позволеніе должна была отложить военныя дѣйствія до слѣдующаго года. Весной 1653 года польскій военачальникъ Чарнецкій, ворвавшись въ Брацлавщину по берегу Буга, истреблялъ села и мѣстечки: поляки рѣзали жителей безъ разбора. Но выразенію ихъ же соотечественника, не щадили ни красной дѣвушки, ни беременной женщины, ни грудного младенца. Храбрый винницкій потопищикъ Богунъ остановилъ этотъ варварскій набѣгъ и обратилъ Чарнецкаго въ бѣгство.

Велѣдъ за тѣмъ собралось большое польское войско подъ Глинянами, съ намѣреніемъ идти въ Украину и предать ее окончательному разоренію: между тѣмъ война разыгралась и въ другомъ краю, въ Молдавіи. Тамъ, между Дунуломъ, тестемъ Тимошею Хмельницкаго, и Стефаномъ Герцегою, купившемъ себѣ въ Константинополѣ право на господство, происходила борьба. Тимошей съ козаками защищать тестя; венгерцы и поляки подали помощь врагу его изъ нежеланія, чтобъ родственникъ и союзникъ Хмельницкаго владѣлъ Молдавіею.

Гетманъ Хмельницкій обратился опять къ царю Алексѣю Михайловичу, умолять принять его съ козаками подъ свою руку. Царь на этотъ разъ хотя все еще не далъ согласія, но отбѣчалъ, что принимаетъ на себя посредничество примирить польскаго короля съ Хмельницкимъ.

20 июля явился въ Польшу царскій посланникъ, бояринъ Рѣпинъ-Оболенскій съ товарищами, припомнить прежнее требованіе о наказаніи лицъ, дѣлавшихъ ошибки въ царскомъ титулѣ, и объявить, что царь проститъ виновныхъ въ этомъ, если поляки съ своей стороны примирятся съ Хмельницкимъ на основаніи Зборовскаго договора и уничтожатъ унію.

Папы на это отбѣчали, что уничтожить унію невозможно, что это требованіе равняется тому, если бы поляки потребовали уничтожить въ Московскомъ Государ-

съ греческую вѣру, что греческая вѣра никогда не была
ценна въ Польшѣ, а съ Хмельницкимъ они не должны
мириться не только по Зборовскому, но даже и по Бело-
церковскому договору, и приведутъ бояровъ къ тому
положенію, въ какомъ они находились до начала мюк-
доусовъ.

Тогда московскій посолъ сказалъ, что если такъ, то
царь не будетъ болѣе посылать въ Польшу пословъ, а
вѣнчать писать о неправдахъ польскихъ и о нарушеніи
полками мирнаго договора во всѣ окрестныя государ-
ства и будетъ стоять за православную вѣру, за святыя
Божіи церкви и за свою честь, какъ ему Богъ поможетъ!

Поляки, соображая, что Хмельницкій пойдетъ съ
войскомъ на помощь сыну, который находился въ стѣ-
щенномъ положеніи въ Молдавіи, двинулись съ вой-
скомъ на Подоль къ Каменцу. Король предводительство-
валъ войскомъ. Поляки надѣялись перерѣзать путь
Хмельницкому, который собирался идти въ Молдавію на
выручку сына: отираваясь въ походѣ, онъ навѣститъ
цари, что поляки идутъ на поруганіе вѣры и святыхъ
церквей, и прибавить: «турецкій царь прислалъ къ намъ
въ обозъ въ Борки своего посланца, приглашающаго къ себѣ
въ подданство. Если, ваше царское величество, не ома-
лится надъ православными христіанами и не приметъ
насъ подъ свою высокую руку, то иноземцы подобаютъ
насъ, и мы будемъ чинить ихъ волю. А съ польскимъ
королемъ у насъ мира не будетъ ни за что».

Тѣмъ Тимошею, Дунаецъ, ушелъ изъ Молдавіи, а Ти-
мошей съ тещею заперся въ Сочавскомъ замкѣ. Съ Тимо-
шей были казаки. Огромное войско состоявшее изъ ва-
лаховъ, молдаванъ, сторонниковъ Стефана Герцины,
венгерцевъ и поляковъ осадили Сочаву. Осажденные
храбро отбивались, ожидая выручки отъ Хмельницкаго.
Но однажды осколокъ отъ дерева разбитый ядромъ по-
возки смертельно ранилъ Тимошею въ голову и въ ногу;
Тимошей умеръ. Козацкій полковникъ Фадоренко про-
должалъ нѣсколько времени отбиваться, но голодъ прин-
удилъ его сдать крѣпость. 9-го октября казаки вышли
изъ Сочавской крѣпости, выговоривъ себѣ свободный
проходъ на Украину съ тѣломъ Тимошею Хмельницкаго.

Богданъ Хмельницкій встрѣтилъ на дорогѣ тѣло сына, приказавъ возити его на погребеніе въ Чигиринъ, а самъ пошелъ на поляковъ.

Изъ нему присталъ тогда крымскій ханъ. Поляки, считая себя побѣдителями татаръ подъ Берестенкомъ, перестали ему платить сумму, постановленную подъ Зборовомъ. Хану захотѣлось возвратити себѣ этотъ доходъ.

Враги встрѣтились на берегу Днѣстра подъ Иванцемъ, въ пятинадцати верстахъ отъ Каменца, противъ Хотина. Была уже поздняя осень. Положеніе поляковъ было печальное. Войско ихъ, составленное изъ непривычныхъ къ ратному дѣлу воиновъ, разбѣгалось. Но ханъ наблюдалъ только одну свою выгоду и предложити полякамъ миръ, съ условіемъ, если ему заплатятъ единовременно сто тысячъ червонныхъ, а потомъ стануть платить ежегодно на основаніи Зборовскаго договора, и, въ добавокъ, дадутъ татарамъ право на возвратномъ пути брать сколько угодно плѣнниковъ въ польскихъ областяхъ.

Какъ ни дикимъ казалось послѣднее требованіе, но поляки согласились и на него, выговоривши себѣ только то условіе, чтобы татары брали въ плѣнъ въ продолженіе сорока дней однихъ русскихъ и не трогали поляковъ.

Ханскій визирь договорился съ поляками и въ томъ, что съ этихъ поръ ханъ отступитъ отъ козаковъ, но въ настоящее время проситъ для вида обѣщать имъ утвердить Зборовскій договоръ, чтобы не раздражать козацкую толпу: впоследствии же ханъ самъ обѣщаетъ помогать полякамъ укротить козаковъ.

Хмельницкій узналъ объ этомъ тайномъ условіи, умолялъ хана не покидать его — все было напрасно. Союзъ съ поляками, по расчету хана, былъ выгоднѣе, чѣмъ съ козаками. Хмельницкому невозможно было отвѣщаться въ данную минуту на борьбу разомъ и съ поляками, и съ татарами. Онъ принужденъ былъ молчать. Одна надежда у него осталась тогда на царя московскаго. 16 декабря ушелъ король; за нимъ разошлось польское войско. Вслѣдъ затѣмъ, татары, по условію, странно опустошили Южную Русь до самаго Люблина. Однако, и поляки не остались безъ наказанія за постыдный договоръ

съ ханомъ, которымъ они, всегда гордившіеся званіемъ свободной націи, избавили себя отъ, и чуждой для нихъ необходимости предоставить свободу русскому народу: татары, не разбирая своихъ жертвъ, сожигали шляхетскіе дома и увели въ плѣны множество шляхты обоего пола.

Между тѣмъ, послѣ рѣшительнаго отвѣта, даннаго напавши московскому послу боярину князю Рѣвинну-Оболенскому, московское правительство приступило, наконецъ, къ рѣшительному шагу. Остается зрителями того, что дѣлалось по-сосѣдству, даѣе было невозможно; предстояла опасность, что козаки отдадутся Турціи, и, вмѣстѣ съ крымскими татарами, начнутъ дѣлать опустошеніе въ предѣлахъ Московскаго Государства.

Дѣло было первой важности, и царь Алексѣй Михайловичъ 1 октября 1653 года созвалъ земскій соборъ всѣхъ чиновъ Московскаго Государства въ Грановитой палатѣ.

Думный дьякъ изложилъ все дѣло о пропускахъ въ титулѣ, о безвѣстныхъ книгахъ, о томъ, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій много лѣтъ просилъ государя принять его подъ державную руку, о томъ, какъ царь предлагать полякамъ прощеніе виновныхъ въ оскорбленіи царской чести, съ тѣмъ, чтобы поляки уничтожили унию и перестали преслѣдовать православную вѣру, и какъ поляки отвергли это предложеніе. Извѣщалось, наконецъ, что турецкій царь зоветъ козаковъ подъ свою власть.

Потомъ отбирался отвѣтъ на вопросъ: принимать ли гетмана Богдана Хмельницкаго со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ подъ царскую руку?

Бояре дали такое мнѣніе: Янъ-Казимиръ, при избраніи на королевство, присягалъ оберегать и защищать всѣхъ христіанъ, которыхъ исповѣданіе отлично отъ римско-католическаго, не притѣснять никого за вѣру и другимъ не позволять, а если своей присяги не сдержитъ, то въ такомъ случаѣ подданные его освобождаются отъ вѣрности ему и послушанія. Король Янъ-Казимиръ, присяги своей не сдержалъ: возсталъ на православную христіанскую вѣру, разорилъ многія церкви, обратилъ въ униатскія. Стало быть, гетманъ Хмельницкій и все Вой-

ско Запорожское, послѣ нарушенія королевской присяги — вольные люди: отъ своей присяги свободны. А потому, чтобы не допустить ихъ отдаться въ подданство турецкому султану или крымскому хану, слѣдуетъ принять гетмана Богдана Хмельницкаго, со всеѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, со всеѣмъ городами и землями, подѣ высокую государеву руку.

Гости и торговые люди вызывались участвовать въ предстоявшей войнѣ: служилие люди обѣщались биться противъ польскаго короля, не паче головъ своихъ и умирать за честь своего государя. Патриархъ и все духовенство благословили государя и всю его державу и сказали, что они будутъ молить Бога, Пресвятую Богородицу и всеѣхъ святыхъ о пособіи и одолевѣніи.

Послѣ такого земскаго приговора, царь послать въ Переяславль боярина Вутурлиина, окольничаго Алферьева и думнаго дьяка Лопухина принять Украину подѣ высокую руку государя. Послы эти прибыли на мѣсто 31 декабря 1653 года. Гостей съ достолепною почестью принять переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря.

1 января прибылъ въ Переяславль гетманъ. Сѣхался все полковники, старшины и множество козаковъ. 8 января, послѣ предварительнаго тайнаго совѣщанія со старшиною, въ одиннадцать часовъ утра гетманъ вышелъ на площадь, гдѣ была собрана генеральная рада.

Гетманъ говорилъ:

«Господа полковники, асаулы, сотники, все войско запорожское! Богъ освободить насъ изъ рукъ враговъ нашего восточнаго православія, хотѣвшихъ искоренить насъ такъ, чтобы и имя русское не упоминалось въ нашей землѣ. Но намъ нельзя болѣе жить безъ государя. Мы собрали сегодня явную всему народу раду, чтобы вы набрали изъ четырехъ государей себѣ государя. Первый — царь турецкій, который много разъ призываетъ насъ подѣ свою власть; второй — ханъ крымскій; третій — король польскій; четвертый — православный Великій Руси царь восточный. Турецкій царь бусурманъ, и сами знаете, какое утѣшеніе терпятъ братія наши христіане отъ невѣрныхъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ. Мы по нуждѣ свели-было съ нимъ дружбу и черезъ то принимали

нестерпимыя бѣды, изѣисненіе и нещадное пролитіе христіанской крови. Объ утѣшеніяхъ отъ польскихъ пашей и вспоминать не надобно: сами знаете, что они почитали жиду и собаку лучше нашего брата-христіанина. А православный христіанскій царь восточный—одного съ нами греческаго благочестія; мы съ православіемъ Великой Руси единое чѣло держи, имущее главою Іисуса Христа. Этотъ великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ Малой Руси, не презрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ мольбъ, склонилъ къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ намъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Возлюбимъ его съ усердіемъ. Кромѣ царской воли и руки, мы не найдемъ благоотнѣнчиваго престоупника: а буде, кто съ нами теперь не въ советѣ, тотъ куда хочетъ: вольная дорога!»

Раздались восклицанія:

«Возлюбимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставать ненавистнику Христову, поганому!»

Тогда переславскій полковникъ началъ обходить козаковъ и спрашивалъ:

— Веѣ ли тако сонзволите?

— Веѣ! — отвѣчали козакъ!

«Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки были едины!»

Прочитаны были условія новаго договора. Смысль его былъ таковъ: все Украина, козакская земля (приблизительно въ границахъ Зборовскаго договора, занимавшая южнѣйшія губерніи: полтавскую, кіевскую, черниговскую, большую часть волынской и подольской), присоединялась подъ именемъ Малой Россіи къ Московскому Государству, съ правомъ сохранять особый свой судъ, управленіе, выборъ гетмана, волынскими людьми, право постѣднѣяго принимать пословъ и сношенія съ иностранными государствами (кромѣ крымскаго хана и

польскаго короля), неприкосновенность правъ шляхетскаго, духовнаго и мѣщанскаго сословій. Дань (налоги) государю должны платиться безъ внимательства московскихъ сборщиковъ. Число реестровыхъ, увеличивалось до шестидесяти тысячъ, но дозволилось имѣть и болѣе охотныхъ козаковъ.

Когда приходилось присягать, гетманъ и козацкіе старшины домогались, чтобы московскіе послы присягнули за своего государя такъ, какъ всегда дѣлали польскіе короли при избраніи своемъ на престолъ. Но московскіе послы уперлись, приводя, что «польскіе короли невѣрные, несамодержавные, не хранятъ своей присяги, а слово государево не бываетъ перемѣнно», и не присягнули. Когда, послѣ того, послы и пріѣхавшіе съ ними столпники и стряпчие побѣхали по городамъ для приведенія къ присягѣ жителей, малороссійское духовенство неохотно соглашалось поступать подъ власть московскаго государя. Самъ митрополитъ Сильвестръ Коссовъ хотя и встрѣчалъ за городомъ московскихъ пословъ, но внутренно не былъ расположенъ къ Москвѣ. Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось посылать къ присягѣ шляхтичей, служившихъ при митрополитѣ и другихъ духовныхъ особахъ, монастырскихъ служъ и вообще людей изъ всѣхъ имѣній, принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ. Духовенство смотрѣло на московскихъ русскихъ, какъ на народъ грубый, и даже на счетъ тождества своей вѣры съ московской происходило у нихъ сомнѣніе. Иѣкоторымъ даже приходило въ мысль, что москаль велитъ перекрещиваться. Народъ присягалъ безъ сопротивленія, однако, и не безъ недовѣрія: малоруссы боялись, что москаль станутъ принуждать ихъ къ усвоенію московскихъ обычаевъ, запретить носить сапоги и черевики, а заставить надѣвать лапти. Что касается до козацкой старшины и пристававшихъ къ козакамъ русскіхъ шляхтичей, то они вообще, съ рѣзкимъ сердцемъ, только по крайней нуждѣ, отдавались подъ власть московскаго государя: въ ихъ головѣ составилъ идеаль независимаго государства изъ Малороссіи. Хмельницкій отправилъ своихъ пословъ, которые были приняты съ большимъ

почетомъ. Царь утвердить Переяславскій договоръ, и на основаніи его выдали жалованную грамоту¹⁾.

Московское правительство формально объявило Польскѣ войну. Она вспыхнула разомъ и въ Украинѣ и въ Литвѣ. Весною 1654 года польское войско вступило въ Подоль и начало производить убійственную рѣзню. Города Немцровъ были истреблены до основанія, 3,000 жителей столпились въ большомъ каменномъ погребѣ; поляки стали выкуривать ихъ оттуда дымомъ, предлагали пощаду, если выдадутъ старшихъ. Никто не былъ выданъ, и все задохлось въ дыму. Отсюда поляки разошлись по разнымъ путямъ отрядами, и гдѣ только встрѣчали мѣстечко, деревню, истребляли тамъ и старое, и новое, а жилища сожигали. Вездѣ русскіе защищались отчаянно косами, дубьемъ, колодами; все рѣшалось лишь погибнуть, чѣмъ покориться ляхамъ. На первый день Пасхи поляки вырѣзали 5,000 русскаго народа въ мѣстечкѣ Муницровѣ; и тамъ русскіе не слушались никакихъ увѣщаній и пощадъ, защищаясь до последней капли крови. Но казаки отбили поляковъ отъ крѣпкихъ городовъ Брацлавля и Умани, и они до времени вышли изъ Украины.

Въ Литвѣ дѣла пошли счастливо для русскихъ. Царь разослалъ грамоту ко всемъ православнымъ Польскаго Королевства и Великаго Княжества Литовскаго, увѣщавать отдѣлаться отъ поляковъ, обѣщая сохранить ихъ дома и достояніе отъ вѣнчатоу разоренія. Въ грамотѣ уговаривали православныхъ постричь на головахъ хохлы, которые носили по польскому обычаю: такъ много придавали въ Москвѣ значенія вишнимъ приникамъ. Едва ли эта грамота имѣла большое вліяніе: гораздо болѣе помогаю успѣхамъ царя чувство единства вѣры и сознаніе русской однородности. Могилевъ, Плецкъ, Витебскъ сами добровольно отворили ворота и признали власть царя. Смоленскъ держался упрямѣе; но князь Радзивиллъ, шедшій на выручку Смоленска, 12

1) Въ это время вообще малорусскихъ пословъ принимали съ большимъ почетомъ, потому что малороссыя, какъ недавно поступившихъ въ подданство, хотѣли расположить въ себѣ ласковымъ обхожденіемъ,

августа, быть разбитъ наголову княземъ Трубецкимъ, и козацимъ полковникомъ Золотаренкомъ. Смоленскъ держался еще до конца сентября; наконецъ, воевода Филиппъ Обуховичъ, видя, что ему нѣтъ ни откуда помощи, сдѣлать городъ, выговоривши себѣ съ гарнизономъ свободный пропускъ; царь вступилъ въ Смоленскъ и приказалъ обратить въ православныя церкви костелы, которые были подѣланы поляками изъ церквей.

Между тѣмъ, поляки нанли себѣ союзниковъ въ крымцахъ. Нелам-Гирей уже не было на свѣтѣ; одна малороссіянка, взятая въ его гаремъ, отравила его въ отищеніе на наѣбну ея отечеству. Новый ханъ Махметъ-Гирей, ненавистникъ Москвы, заключилъ договоръ съ поляками. Зимой въ ожиданіи вспомогательныхъ татарскихъ силъ, поляки опять ворвались въ Подолье и начали рѣзать русскихъ. Мѣстечко Буна первое испытало ихъ мѣсть. Въ этомъ мѣстечкѣ, расположенномъ на высокой горѣ и хорошо укрѣпленномъ, столнилось до 12,000 жителей обоаго пола. Никакія убійственныя польскіхъ военачальниковъ, Чарнецкаго и Лянекоронскаго, не подѣйствовали на нихъ, и когда, наконецъ, поляки отвели воду изъ пруда и нанали на слабое мѣсто, русскіе, видя, что ничего не сдѣлають противъ нихъ, сами зажгли свои дома и начали убивать другъ друга. Женщины кидали въ колодцы своихъ дѣтей и сами бросались за ними. Жена убитаго сотника Завистнаго сѣла на бочку пороха, сказавши: «не хочу послѣ милаго мужа достаться гронікою польскимъ жолѣбрамъ», и влетѣла на воздухъ. Семьдесятъ женщинъ, укрылись съ ружьями недалеко отъ мѣстечка въ пещерѣ, закрытой густымъ терновникомъ. Полковникъ, Целарій обѣщаль имъ жизнь и цѣлость имуществъ, если онѣ выйдутъ изъ пещеры; но женщины отѣчали ему выстрѣлами. Целарій велѣлъ отвести воду изъ источника въ пещеру. Женщины все потонули; ни одна не едалась. Послѣ разоренія Буны, поляки отправились по другимъ мѣстечкамъ и селамъ; вездѣ русскіе обоаго пола заинащались до последней возможности: вездѣ поляки вырѣзывали ихъ, не давая пощады ни старикамъ, ни младенцамъ. Въ мѣстечкѣ Демовкѣ происходила ужаснѣйшая рѣзня: тамъ

погибло 14,000 русскаго народа. Коронный гетманъ писалъ королю: «горько будетъ вашему величеству слышать о разореніи вашего государства; но иными средствами не можеть усмириться неукротимая хлѣбная злоба, которая до сихъ поръ только возрастаетъ».

Велѣдъ затѣмъ прибыла къ полякамъ на помощь крымская орда, и они вмѣстѣ съ татарами двинулись далѣе въ глубь Украины. Полковникъ Богунъ отбилъ ихъ отъ Умани. Поляки съ татарами пошли на Хмельницкаго, который съ боярами Бутурлинымъ и Шереметевымъ стоялъ подъ Бѣлою Церковью. Вызвѣни съ собою Шереметева, Хмельницкій пошелъ навстрѣчу неприятелю. Вблизи деревни Бавы встрѣтились непріязненные войска: оказалось, что у Хмельницкаго и Шереметева войска было меньше. Русскіе отступили, но чрезвычайно храбро и стойко отбились отъ преслѣдовавшихъ ихъ поляковъ и татаръ¹⁾. Не отваживаясь нападуть на русскій обозъ подъ Бѣлою Церковью, поляки опять пустились разорять украинскія села и мѣстечки.

Но велѣдъ затѣмъ, въ 1655 году, московскіе русскіе получили чрезвычайный успѣхъ въ Литвѣ. Они взяли Минскъ, Ковно, наконецъ, Вильно. Алексѣй Михайловичъ въѣхалъ въ столицу Ягеллоновъ и повелѣлъ наименовать себя великимъ княземъ литовскимъ. Города сдавались за городами, болѣею частью безъ всякаго сопротивленія. Мѣщане и шляхтичи, сохранившіе православіе, а еще болѣе угнетенные владычествомъ пановъ, поселяне принимали московскихъ людей, какъ освободителей. Успѣхъ былъ бы еще дѣйствительнѣе, если бы московскіе люди вели войну съ болѣеимъ воздержаніемъ и не дѣлали безчинствъ и насилій надъ жителями.

Въ то время, когда уже вся Литва была въ рукахъ московскаго государя. Польшу наводнили шведы. Уже нѣсколько лѣтъ Хмельницкій сносился со шведами и побуждалъ ихъ къ союзу противъ поляковъ. Въ 1656 году, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, дѣйствовали съ этою же

¹⁾ Поле, гдѣ происходило это дѣло, получило названіе Дрожжи-поле (поле дрожжи, въ воспоминаніе бывшей тогда жестокой стужи).

цѣлѣю памѣнникъ, польскій подканцлеръ Радзиевскій; но пока царствовала королева Христина, предпочитавшая классическую литературу и словесность военной славы, трудно было впутать шведовъ въ войну. Въ 1654 году она отрелася отъ престола: племянникъ и преемникъ ея Карлъ X объявить Польшѣ войну за престоле ие польскимъ королемъ титула шведскаго короля. Лѣтомъ 1655 года онъ вступилъ въ Польшу. Познань, а потомъ Варшава, сдались безъ боя. Краковъ, защищаемый Чарнецкимъ, держался до 7-го октября и все-таки сдался. Король Янъ-Казимиръ убѣжалъ въ Силезію. Въ это время Хмельницкій съ Бутурлинымъ двинулись въ Червоную Русь, разбили польское войско подъ Гроискомъ, осадили Львовъ; но этотъ городъ, несмотря ни на какія убѣжденія, не хотѣлъ нарушить вѣрности Яну-Казимиру и присягнуть Алексѣю Михайловичу. Между козацкими вождами и московскими боярами тогда уже происходили недоразумѣнія. Хмельницкій ни за что не дозволялъ брать штурмомъ Львова.

Здѣсь явился къ Хмельницкому, 29 октября, посланецъ отъ Яна-Казимира, Станиславъ Любовицкій, давній знакомый Хмельницкаго, и привезъ отъ своего короля письмо, исполненное самыхъ лестныхъ и даже униженныхъ комплиментовъ, хотя у Любовицкаго было въ это время другое письмо къ татарскому хану, враждебное Хмельницкому. Бесѣда съ Любовицкимъ въ высшей степени замѣчательна, какъ по отношенію къ характеру Хмельницкаго, такъ и по духу времени.

«Любезный кумъ, — сказалъ ему Хмельницкій — вспомните, что вы намъ обѣщали, и что мы отъ васъ получили? Все обѣщанія ваши давались по науцѣ іезуитовъ, которые говорятъ: не слѣдуетъ держать слова, даннаго схизматикамъ. Вы называли насъ хлопами, били палками, отнимали наше достояніе и когда мы, потерія вашихъ насилій, убѣжали и покидали женъ нашихъ и дѣтей, вы насловали женъ нашихъ и соединяли бѣдныя наши чаты, иногда вмѣстѣ съ дѣтьми, сажали на колѣя, въ мѣшкахъ бросали въ воду, показывали нечестію къ русскимъ и презрѣнію къ ихъ безсилію; но что всего оскорбительнѣе, — вы ругались надъ вѣрою

нашею, мучили священников наших. Столько претерпѣвши отъ васъ, столько разъ бывши вами обмануты, мы принуждены были плакать, для облегченія нашей участи, такого средства, какого никакимъ образомъ нельзя оставить. Поздно плакать помощи нашей! Поздно думать о примиреніи козаковъ съ поляками!»

Любовинскій, подтѣлываясь къ Хмельницкому, сталъ бранить польское плухетство за то, что оно оставило короля своего въ бѣдѣ и сказалъ: «теперь король будетъ признавать благородными не тѣхъ, которые ведутъ длинный рядъ генеалогіи отъ дѣдовъ, а тѣхъ, которые окажутъ помощь отечеству. Забудьте все прошедшее, помогите помазаннику божьему. Вы будете не козаками, а друзьями короля. Вамъ будутъ даны достоинства, коронныя имѣнія; король уже не позволитъ нарушать спокойствія этимъ собакамъ, которые теперь разбѣжались и покинули своего господина».

«Господинъ посолье, — сказалъ Хмельницкій, поговоривши съ козацкою старшиною, — садитесь и слушайте, я вамъ скажу побасенку. Въ старину жилъ у насъ поселянинъ, такой зажиточный, что все завидовали ему. У него было домашній ужъ, который никого не кусалъ. Хозяева ставили ему молоко, и онъ часто ползалъ между семьею. Однажды хозяйскому сыну дали молока; приползъ ужъ и сталъ хлебать молоко, мальчикъ ударилъ ужа ложкою по головѣ, а ужъ укусилъ мальчика. Хозяинъ хотѣлъ убить ужа; но ужъ всунулъ голову въ пору, и хозяинъ отрубилъ только хвостъ. Мальчикъ умеръ отъ укушенія. Ужъ не выходилъ послѣ того изъ поры. Съ этихъ поръ хозяинъ началъ бѣдѣть и обратился къ знахарямъ узнать причину этого. Ему отвѣчали: въ прошлые годы ты хорошо обходился съ ужомъ и ужъ принималъ на себя все грозившія тебѣ несчастія, а тебѣ оставлялъ свободнымъ отъ нихъ. Теперь, когда между вами стала вражда, все бѣдствія обрушилось на тебя; если хочешь прежняго благополучія, примирись съ ужомъ. Хозяинъ сталъ приглашать ужа заключить съ нимъ прежнюю дружбу, а ужъ сказалъ ему: напрасно хлопотать, чтобы между нами была такая дружба, какъ прежде. Какъ только я посмотрю на свой хвостъ, тотъ-

часть ко мнѣ возирается досада; а ты, какъ только вспомнишь сына — тотчасъ закинь въ тебѣ отношеніе негодование, и ты готовъ разможнить мнѣ голову. Поэтому достаточно будетъ дружбы между нами, если ты будешь жить въ твоёмъ домѣ, какъ тебѣ угодно, а я въ своей порѣ, и будемъ помогать другъ другу. То же самое, господниъ посолъ, произошло между поляками и русскими. Было время, когда мы вмѣстѣ наслаждались счастьемъ, радовались общимъ успѣхамъ. Козаки отклоняли отъ королевства грозившія ему опасности и сами принимали на себя удары варваровъ. Тогда никто не брать добычи изъ Польскаго Королевства. Польскія войска, совокупно съ козацкими, вездѣ торжествовали. Но поляки, называвшіе себя дѣтьми Королевства Польскаго, начали нарушать свободу русскихъ, а русскіе, когда имъ сдѣлалось больно, стали кусаться. Случилось, что и у русскихъ большая часть отсѣчена и сыновъ королевства немало пропало. Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ народамъ придуть на память бѣдствія, нанесенныя другъ другу, тотчасъ возникаетъ досада, и хотя начнутъ мириться, а дѣла не доведутъ до конца! Мудрейшій изъ смертныхъ не можетъ возстановить между нами твердаго и прочнаго мира, какъ только вотъ какъ: пусть Королевство Польское откажется отъ всего, что принадлежало княжествамъ земли Русской, пусть уступитъ козакамъ всю Русь до Владиміра, Львовъ, Ярославль, Перемысль, а мы, сидя себѣ на своей Руси, будемъ отклонять враговъ отъ Королевства Польскаго. Но я знаю: если бы въ цѣломъ королевствѣ осталось только сто пановъ, и тогда бы они не согласились на это. А козаки, пока станутъ владѣть оружіемъ, также не отстанутъ отъ этихъ условій. Поэтому, прощайте».

Любовицкій передалъ Хмельницкому украшеніе съ драгоцѣннымъ камнемъ, подарокъ жеиъ Хмельницкаго отъ польской королевы Маріи-Людовики. «Боже Всемогущій, — воскликнулъ Хмельницкій, — что я значу передъ лицомъ Твоимъ, но вотъ какъ возвысила меня милость Твоя, что къ моеи Ганиѣ наисчастѣйшая королева польская шлетъ шлемъ и проситъ у нея заступничества предо мной!» Однако, обратившись къ Любовицко-

му. Хмельницкій сказалъ: «не могу исполнить желанія сіе величества; не могу нарушить тѣснаго договора съ русскими и шведами».

Взавши со Львова небольшую сумму въ 60,000 зл., Хмельницкій отступилъ отъ этого города, подъ предлогомъ, что татары разоряютъ Украину; но, кажется, къ отступленію расположило его тайное посольство шведскаго короля, который обѣщалъ ему русскія земли, когда утвердится въ Польшѣ. Московскія войска вмѣстѣ съ козацкими взяли Люблинъ. Этотъ городъ присягнулъ Алексею Михайловичу, вскорѣ потомъ присягнувъ шведскому королю, а затѣмъ — прежнему своему государю Яну-Казимиру.

Весною 1656 года поляки снова попытались примириться съ Хмельницкимъ и просили помощи противъ шведовъ. Съ этой цѣлью пріѣхалъ къ Хмельницкому панъ Лянекоронскій.

Хмельницкій отвѣчалъ: «Полно, господа, обманывать насъ и считать глупцами; полякамъ за нѣхъ вседневное вѣроломство нѣто въ мірѣ не вѣрить; было время, мы соглашались на миръ въ угожденіе королю, а король тайтъ въ душѣ противное тому, что показывалъ на видъ. Мы не войдемъ съ Польшею ни въ какіе договоры, пока она не откажется отъ цѣлой Руси. Пусть поляки формально обѣдуютъ русскихъ свободными, подобно тому, какъ испанскій король призналъ свободными голландцевъ. Тогда мы будемъ жить съ вами, какъ друзья и сосѣди, а не какъ подданные и рабы ваши; тогда напшемъ договоръ на вѣчныхъ скрижаляхъ; но этому не бывать, пока въ Польшѣ властвуютъ паны. Не быть же и миру между русскими и поляками».

Поляки успѣвши обдѣлать свои дѣла въ Москвѣ, тѣмъ въ Чигиринѣ. Посланникъ вѣнецкаго императора, Алетретти, природный словянинъ, знавшій по-русски, прибывши въ Москву, умѣлъ расположить къ миру съ Польшею бояръ и духовныхъ, указывалъ надежду обратити оружіе всѣхъ христіанскихъ государей противъ вѣрняхъ. Патріархъ Никонъ убѣждалъ царя помириться съ поляками и обратити оружіе на шведовъ, чтобы отнять у нихъ земли, принадлежація Великому Новго-

роду. Царь прельстился возможностью сдѣлаться королемъ польскимъ мирнымъ образомъ; царь отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Вильно, гдѣ послѣ многихъ споровъ и толковъ съ уполномоченными Рѣчи-Посполитой, въ октябрѣ 1656 года заключенъ былъ договоръ, по которому поляки обязывались, послѣ смерти Яна-Казимира избрать на польскій престолъ Алексѣя Михайловича; Алексѣй Михайловичъ, съ своей стороны, обѣщалъ защищать Польшу противъ ея враговъ и обратитъ оружіе на шведовъ. Хмельницкій, узнавши, что въ Вильнѣ собираются уполномоченные для восстановления мира, отправилъ туда своихъ посланниковъ; но московскіе послы напомнили имъ, что Хмельницкій и козаки — подданные, а потому не должны подавать голоса тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу послы государей. Козацкіе посланники, воротившись на Украину, въ присутствіи всей старшины, говорили гетману: «царскіе послы насъ въ посольскій шатеръ не пустили; мало того, до шатра издалека не пускали, словно ишовъ въ церковь Божію. А ляхи намъ по совѣсти сказывали, что у нихъ учиненъ миръ на томъ, чтобы всей Украинѣ быть непрежнему во власти у ляховъ. Если же войско запорожское со всею Украиною не будетъ у ляховъ въ подданствіи, то царское величество будетъ помогать ляхамъ ратью своею бить козаковъ».

Хмельницкій, услышавши это, прицѣль въ умолиз-стувленіе: «Дитки, — сказалъ онъ, — треба отступити отъ царя, пойдѣмъ туда, куда велитъ Вышній Взадыка! Будемъ поди бусурманскимъ государемъ, не то что поди христіанскимъ!»

Успокоившись отъ перваго волненія, Хмельницкій написалъ царю письмо и высказывать ему правду такъ: «Ляхи этого договора никогда не сдержатъ; они его заключили только для того, чтобы, немного отдохнувъ, уговориться съ султаномъ турецкимъ, татарами и другими, и опять воевать противъ царскаго величества. Если они въ самомъ дѣлѣ искренно выбирали ваше царское величество на престолъ, то зачѣмъ они посылали пословъ къ цезарю-римскому просить на престолъ его родного брата? Мы ляхамъ вѣрить ни въ чемъ не можемъ. Мы под-

лишно знаемъ, что они добра нашему русскому народу не хотятъ. Великій государь, единый православный царь въ подсолнечной, вторично молимъ тебя: не довѣрайся ляхамъ, не отдавай православнаго русскаго народа на поруганіе!»

Но Москва была глуха къ этимъ совѣтамъ. Хмельницкій видѣлъ, что пропускается удобный случай освободить русскія земли изъ-подъ польской власти; а между тѣмъ, не только одна Москва, но и другіе сосѣди мѣшали его намѣреніямъ. Имѣецкій императоръ съ угрозами требовалъ отъ Хмельницкаго мира съ Польшею. Крымскій ханъ и турецкій султанъ были въ союзѣ съ Польшею и не боялись ея трактатовъ съ Москвою, зная, что со стороны поляковъ это не болѣе, какъ обманъ; напротивъ, имъ страшнѣе были успѣхи Хмельницкаго, которые вели къ объединенію и усиленію русской державы. Хмельницкій впадалъ въ тоску, въ уныніе и, наконецъ, въ бѣзуміе. Онъ видѣлъ въ будущемъ прежнее порабоженіе Украины ляхами и прибѣгалъ къ постыднымъ мѣрамъ, чтобы предупредить его. Въ началѣ 1657 года Хмельницкій заключилъ тайный договоръ со шведскимъ королемъ Карломъ X и семиградскимъ княземъ Ракочи о раздѣлѣ Польши. По этому договору, королю шведскому должна была достаться Великая Польша, Ливонія и Гданскъ съ приморскими окрестностями; Ракочи — Малая Польша, Великое Княжество Литовское, княжество Мазовецкое и часть Червонной Руси; Украина же, съ остальными южно-русскими землями должна быть признана навсегда отдѣленною отъ Польши.

Сообразно съ этимъ договоромъ, Хмельницкій послалъ на помощь Ракочи 12,000 козаковъ подъ главнымъ начальствомъ кіевского полковника Ясдановича; Янъ-Казимиръ далъ знать о козняхъ Хмельницкаго польскому государю. Договоръ, заключенный гетманомъ съ венграми и шведами, сталъ подлинно публиченъ въ Москвѣ, и царь снарядилъ въ посольство окольничаго Осодора Бутурлина и дьяка Василія Михайлова со строгими выговорами Хмельницкому.

Прежде чѣмъ это посольство достигло Чигирина, Хмельницкій, чувствуя, что его здоровье день ото дня

слабость, собирать раду и предложить козикам, и бить себя преемника. Козаки, хоть любви къ гетману, и при томъ желая судѣвать ему уголивъ, набрали его и повели идти въ сина Юрія. Хмельницкій хотя и отговаривалъ нѣтъ, указывая на его молодость, но потому согласился. Это была величайшая ошибка Хмельницкаго.

Въ началѣ іюня прибыли царскіе послы съ выговоромъ и застали гетмана до того ослабѣвшимъ, что онъ едва могъ встать съ постели. Послы, по царскому приказанію, сказали ему, что онъ забыть страхъ Божій и присягу, дружась со шведами и Ракочн. Хмельницкій отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ: «У насъ давняя дружба со шведами, и я никогда не нарушу ее. Шведы — люди правдивые: держатъ свое слово; а царское величество помирился съ поляками, хотѣлъ насъ отдать намъ въ руки; и теперь до насъ слухъ доходитъ, что онъ послалъ свое войско на помощь полякамъ противъ насъ, шведскаго короля и Ракочн. Мы еще не были въ подданствѣ у царскаго величества, а ему служили и добра хотѣли. Я не хочу жить и допускать крымскаго хана разорять украинные города царскіе. И ни въ чемъ мы не отступаемъ отъ высокой руги его, какъ вѣрные подданные; и пойдемъ на царскихъ непріятелей бусурмановъ, хотя бы мнѣ въ вышедшей болѣзни дорогою и смерть приключилась — и гробъ поведу съ собою! Это царскому величеству во всемъ воля; только мнѣ дивно то, что бояре ему ничего добраго не посоветуютъ: Короною Польскою не овладѣли, мира не довершили, а съ другимъ государствомъ, со Швеціею, войну начали!»

Выслушавши новыя упреки отъ царскаго посла, Хмельницкій не сталъ отвѣчать, извинился болѣзною; а въ другой день, 13 іюня, Хмельницкій, призвавши къ себѣ послать, сказалъ: «Пусть его царское величество и прѣмьно помирился со шведами; слѣдуетъ приступить къ концу начатое дѣло съ ляхами. Наступимъ на нихъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны войско его царскаго величества, съ другой — войска шведскаго короля. Будемъ бить ляховъ, чтобы ихъ до конца искоренить и не дать имъ соединиться съ посторонними государями противъ насъ. Хотя они и выбирали нашего государя

на польское королевство, но это только на словах, а на дѣлѣ того никогда не будетъ. Они это затѣяли по лукавому умыслу для своего успокоенія. Есть свидѣтельства, опровергающія ихъ лукавство. Я перекажѣ ихъ писемъ къ турецкому цезарю и отправилъ его царскому величеству со своимъ посланцемъ».

Тѣмъ не менѣе, Хмельницкій, по требованію царскихъ пословъ, выдалъ приказъ Ждановичу оставить Ракочи: это повредило послѣднему: успѣвши уже завоевать Краковъ и Варшаву, Ракочи былъ побѣжденъ поляками и отказался отъ своихъ притязаній.

Интъ-Казимиръ попытался еще разъ сойтись съ Хмельницкимъ и отправить къ нему пана Беневскаго.

— Что мѣшаетъ вамъ, гетманъ, — говорилъ Хмельницкому польскій посланникъ, — сбросить московскую протекцію? Московскій царь никогда не будетъ польскимъ королемъ. Соединитесь съ нами, старыми союзниками, какъ равные съ равными, вольные съ вольными.

— Я одной ногой стою въ могилѣ, — отвѣчалъ Хмельницкій. — и на закатѣ дней не прогнѣваю Бога нарушеніемъ обѣта царю московскому. Разъ я поклялся ему въ вѣрности, сохранию ее до послѣдней минуты. Если мой сынъ Юрій будетъ гетманомъ, никто не помѣшаетъ ему заслужить военными подвигами и преданностью благосклонность его величества, но только безъ вреда московскому царю, потому что какъ мы, такъ и вы, избравши его публично своимъ государемъ, обязаны ему сохранять постоянную вѣрность!»

Скоро послѣ того скончался Хмельницкій. Въ письмѣ писаря Выговскаго день его смерти означенъ 27 іюля. Иѣтотисецъ Самовидца говорить, что онъ умеръ «о Успеніи св. Богородицы».

23 августа тѣло Хмельницкаго было погребено, по его завѣщанію, въ Субботовѣ, въ церкви, имъ построеной. Церковь эта, съ замѣчательно толстыми каменными стѣнами, существуетъ до сихъ поръ; но путешественникъ не найдетъ въ ней могилы Хмельницкаго: польскій полководецъ Чарнецкій въ 1664 году, захвативши Суббо-

тово, приказалъ выбросить на поруганіе кости человека, такъ упорно боровшагося противъ пилихетскаго сродноія.

Несмотря на важныя промахи и ошибки, Хмельницкій принадлежитъ къ самымъ крупнымъ двигателямъ русской исторіи. Въ многолѣтковой борьбѣ Руси съ Польшею онъ далъ рѣшительный поворотъ на сторону Руси и нанесъ аристократическому строю Польши такой ударъ, послѣ котораго этотъ строй не могъ уже держаться въ нравственной силѣ. Хмельницкій въ половинѣ XVII вѣка намѣтилъ то освобожденіе русскаго народа отъ панства, которое окончательно совершилось въ наше время. Этого мало: его стараніемъ западная и восточная Русь были уже фактически подъ единою властью съ восточной Русью. Не его вина, что близорукая, невѣжественная политика боярская не поняла его, свела прескверно въ гробъ, испортила плоды его десятилѣтней дѣятельности, и на многія поколѣнія отсрочила дѣло, которое совершилось бы съ несравненно меньшими усиліями, если-бы въ Москвѣ понимали смыслъ стремленій Хмельницкаго и слушали его совѣты.

КН. А. ВОЛКОНСКИЙ

„Историческая правда и украинофильская пропаганда“

I. Терминология: значение словъ „Украина“, „Ruthenia“ и „Россія“ въ разныя вѣка. II. Единство до-монгольской Руси. III. Три вѣтви русскаго народа: этнографія и политическія судьбы. Польскій империализмъ. IV. Кому принадлежатъ Черноморскія степи? Очеркъ территориальнаго роста русскаго государства. Была-ли когда Украина независимой? V. Культура общерусская, а не украинская; свидѣтельства былинъ и древней письменности. VI. Современное положеніе вопроса. Вышніе факторы сепаратизма: Австро-Германія; Союзники; большевизмъ. Внутренніе факторы. Вопросъ языка. VII. Выводъ: федеративная Россія. Схемы.

200 СТРАНИЦЪ in 8°

Цѣна 8 ит. лиръ (5 фр., 9 шилл.)

СКЛАДЫ

русскаго, французскаго и англійскаго изданій:

Въ ПАРИЖѢ: 1. J. Povolotzky & Co., 13 rue Bonaparte;
2. Ficker, 6 rue de Savoie; 3. L. Rodstein, 17 rue Cujas.

Въ БЕРЛИНѢ: Книжный магаз. „Москва“, Wilhelmstr. 20

Въ ЛОНДОНѢ: Russian Liberation Committee, Fleet
Street, 173, E. C. 4.

Въ КОНСТАНТИНОПОЛѢ: Книжный магазинъ „Рус-
ская Мысль“, Pera, Place du Tunnel, 2.

Въ НЬЮ-ІОРКѢ: Russian Information Bureau, Woolworth
Building, City.

Выписывать не менѣе 25 экз. можно отъ автора: 22,
Piazza Mignanelli, Roma (VI). Стоимость пересылки ста
экз. въ Америку — 400 лиръ, въ Лондонъ — 100 лиръ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ“ ВЪ ВЕНѢ

НОВАЯ КНИГА:

ИВ. НАЖИВИНЪ, —

**„ЗАПИСКИ О
РЕВОЛЮЦИИ“**

21 ПЕЧАТНЫЙ ЛИСТЪ

ЦѢНА 25 ГЕРМ. МАР.

ВЪ СТРАНАХЪ СЪ ВЫСОКОЙ
ВАЛЮТОЙ НАДЕБЛВКА 100 ПРОЦ.

ГЛАВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО:

J. PERSKY, WIEN IX
WÄHRINGER-STRASSE 5/25

Сторѣе I.

1801. Проф. Г. П. Попова. — „Дѣла, описанія и примѣры“
 1802. Гермогенъ, П. Дидактическій. — „Воспитаніе и наука“
 1803. Проф. Д. П. Покровский. — „Очеркъ“

Сторѣе II.

1804. И. П. Костомаровъ. — „Истор. очеркъ“
 1805. „Очеркъ“
 1806. „Очеркъ“

Сторѣе III.

1807. И. П. Костомаровъ. — „Истор. очеркъ“
 1808. „Очеркъ“

Сторѣе IV.

1809. И. П. Костомаровъ. — „Истор. очеркъ“
 1810. „Очеркъ“
 1811. И. П. Костомаровъ. — „Истор. очеркъ“
 1812. Св. св. А. П. Димитріевъ. — „Записки“
 1813. Проф. Св. св. М. А. Трубецкой. — „Истор. очеркъ“
 1814. Проф. Е. П. Мухоморовъ. — „Истор. очеркъ“
 1815. И. П. Костомаровъ. — „Истор. очеркъ“

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK	Kostomarov, Nikolai Ivanovich
508	Malorossiiskii getman
.6	Zinovii-Bogdan Khmel'nitskii
C47K66	
1921a	

